

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ДЖЕФФ ЛИНДСЕЙ

ДРЕМЛЮЩИЙ ДЕМОН

ДЕКСТЕРА

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР,
НА ОСНОВЕ КОТОРОГО СНЯТ ЗНАМЕНИТЫЙ ТЕЛЕСЕРИАЛ!

Джефф Линдсей
Дремлющий демон Декстера
Серия «Декстер», книга 1
Серия «Звезды мирового детектива»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160340
Дремлющий демон Декстера: Азбука-Аттикус; СПб; 2021
ISBN 978-5-389-19715-2*

Аннотация

Декстер Морган – волк в овечьей шкуре. Он красив, обаятелен и очень прагматичен. При всем при том он серийный убийца, впрочем придерживающийся золотого правила – убивать только плохих людей. Декстер действует чрезвычайно осторожно и осмотрительно, и в этом ему помогает работа криминалистом в полиции Майами. Но когда начинается серия жестоких убийств, совершенных в его собственном стиле, Декстер чувствует себя польщенным и одновременно напуганным, поскольку понимает, что это послание лично ему. Должен ли он помочь своей сестре-полицейскому Деборе раскрыть дело, чтобы она могла получить повышение? Должен ли он сам найти убийцу, работой которого втайне восхищается? А что, если он и есть тот самый неуловимый убийца?

По роману «Дремлющий демон Декстера» в 2006 году был снят знаменитый сериал «Декстер», ставший суперуспешным и

продлившийся десять сезонов. Главную роль в нем исполнил Майкл С. Холл, позднее получивший за свое исполнение премию «Золотой глобус».

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	47
Глава 5	59
Глава 6	70
Глава 7	83
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Джефф Линдсей Дремлющий демон Декстера

© Э. М. Штирбеску, перевод, 2006

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Хилари, которая для меня все

Глава 1

Луна. Сияющая луна. Полная, толстая, красная луна. Ночь светла, как день, лунный свет льется на землю, неся радость, радость, радость. А еще гортанный зов тропической ночи, приятный и одновременно дикий голос ветра, с воем треплющего волосы, молчаливый вопль звездного света и зубовный скрежет лунного света там, внизу, у воды.

Все взывает к Жажде. О этот симфонический рев тысяч невидимых голосов, крик Жажды внутри тебя, сама суть, молчаливый наблюдатель, затаившееся холодное нечто, хохочущее и танцующее в лунном свете! Это сам я, который на самом деле не я, а тот, кто глумился и хохотал, а вот теперь зашелся от голода. От Жажды. А Жажда на сей раз очень сильна, будто свитая хладнокровной рукой спираль, потрескивающая от напряжения, готовая к прыжку, совершенно готовая... И все же она ждет и наблюдает. И вместе с ней жду и наблюдаю я.

Я жду и наблюдаю за священником уже пять недель. Все это время Жажда колола, дразнила и гнала меня. Уже три недели я знаю, что именно он, он следующий, он и я – мы оба принадлежим Темному Пассажиру. Последние три недели я провел, борясь с натиском растущей Жажды. Она поднималась во мне ревушей волной, которая падает на берег, однако не отступает, а только с каждой секундой продолжает

набухать.

Но мне требовалось время. Время, чтобы удостовериться. Нет, не убедиться, что священник – именно тот, в этом я был уверен уже давно. Удостовериться в том, что все можно сделать правильно, сработать четко. Мне нельзя попасться, во всяком случае сейчас. Я слишком долго трудился, чтобы позволить себе удовольствие сделать дело, не подвергая опасности свою скромную счастливую жизнь.

И мне слишком это нравится, чтобы вдруг остановиться.

Так что я всегда осторожен. Всегда аккуратен. Всегда заранее подготовлен, чтобы все было *правильно*. И когда все оказывается правильно, я трачу еще немного времени, чтобы удостовериться. Так поступал Гарри, безупречный и дальнороткий полицейский, мой приемный отец, благослови его Боже! Всегда будь уверен, будь осторожен, будь точен, говорил он. И вот уже неделя, как я уверен, что все правильно. Гарри понравилось бы.

Сегодня, уходя с работы, я знал: вот оно. Нынешняя ночь – именно та Ночь. Не такая, как другие. Этой ночью все и произойдет, должно произойти. Как бывало раньше. Так же, как будет еще и еще.

А сегодня это случится со священником.

Его зовут отец Донован. Он преподает детишкам музыку в приюте Святого Антония в Хомстеде, во Флориде. Дети любят священника. И конечно, он любит детей, очень любит. Он посвятил им всю жизнь. Выучил креольский и ис-

панский. Освоил их музыку. Все для детишек. Что бы он ни делал – все для детишек. Все.

Сегодня вечером я наблюдаю за ним точно так же, как наблюдал много вечеров. Наблюдаю, как он выходит из приюта, останавливается и заговаривает с маленькой чернокожей девочкой, вышедшей вместе с ним. Ей не больше восьми лет, но и для этого возраста она кажется слишком маленькой. Отец Donovan садится на ступеньку и говорит с ней. Девочка тоже садится и начинает покачиваться взад-вперед. И так минут пять. Они смеются. Девочка льнет к священнику, а он гладит ее по головке.

Выходит монахиня и, прежде чем заговорить, на мгновение останавливается в дверном проеме. Улыбается и протягивает руку. Девочка жметя к священнику. Отец Donovan обнимает ее, целует на прощание и встает. Монахиня, смеясь, что-то говорит отцу Donovanу. Тот что-то отвечает.

И идет в сторону машины. Наконец! Я приготовился и...

Пока рано. В пятнадцати футах от входа стоит минивэн приютского сторожа. Когда отец Donovan проходит мимо, раздвижная дверь открывается, из нее высовывается человек с сигаретой и здоровается со священником. Тот опирается на машину, они о чем-то разговаривают.

Везение. Снова везение. В такие ночи всегда везет. Я не видел человека, даже не догадывался, что он в минивэне. А вот он мог увидеть меня.

Я делаю глубокий вдох. Выдох – медленный и спокойный,

я холоден как лед. Это мелочь. Кроме нее, я не упустил ничего. Я все сделал *правильно*, все и везде, как положено.

Сейчас!

Отец Donovan снова направляется к своей машине, на заднем сиденье которой спрятался я. Оборачивается и что-то кричит. Сторож в ответ машет ему рукой, гасит сигарету и скрывается в здании приюта.

Везение. Снова везение.

Отец Donovan находит ключи, открывает дверь и залезает в машину. Я слышу, как он вставляет ключ зажигания, как заводится двигатель. А потом...

СЕЙЧАС!

Я поднимаюсь на сиденье позади него и набрасываю удавку на шею. Всего одно быстрое скользящее движение – и петля рыболовной лески, рассчитанной на пятидесятифунтового тунца, точно ложится на место. А священник только слегка всхрапнул в панике – и все.

– Теперь ты мой, – произнес я, и он замер настолько четко, будто всю жизнь тренировался или вдруг услышал другой голос – того хохочущего наблюдателя внутри меня. – Делай в точности, что я скажу.

Он с хрипом втянул воздух и посмотрел в зеркало заднего вида. Мое лицо ждало его там, закрытое белой шелковой маской, только глаза видны.

– Понял? – спросил я, и шелк маски встрепенулся.

Отец Donovan ничего не ответил. Только смотрел в глаза.

Я затянул удавку чуть туже.

– Понял? – повторил я уже немного мягче.

На сей раз он кивнул. Дрожащей рукой потянулся к удавке, хотя и не знал, что будет, если попытается ослабить ее. Лицо священника багровело.

Я ослабил натяжение.

– Веди себя хорошо, – сказал я, – и проживешь дольше.

Отец Донован сделал глубокий вдох. Было слышно, как воздух ворвался в его легкие. Закашлялся, снова вдохнул. Однако сидел тихо и не делал попыток вырваться.

И это было хорошо.

Мы тронулись. Отец Донован выполнял мои указания, никаких шуток и колебаний. Мы поехали на юг, через Флорида-Сити, повернули на Кард-Саунд-роуд. Могу точно сказать, что священник занервничал, когда мы на нее свернули, но не проронил ни слова. Даже не попытался заговорить со мной; обе руки на руле сжаты так, что побелевшие костяшки пальцев готовы выскочить. И это тоже хорошо.

Мы проехали на юг еще минут пять. По-прежнему никаких звуков, кроме шуршания шин и песни ветра, да еще огромной луны, наполняющей мои вены своей могучей музыкой. Да осторожный Наблюдатель, тихонько посмеивающийся в тяжелой пульсирующей музыке ночи.

– Поверни здесь, – наконец сказал я.

Глаза священника взметнулись в зеркале навстречу моим. В них сверкала паника.

– Поверни здесь, – повторил я, и он повернул, но сник, как будто ожидал этого всю дорогу, готовился всю жизнь, и все же повернул.

Узкий проселок был едва виден. Чтобы здесь проехать, нужно знать, что он есть. И я знал. Я бывал тут раньше. Длинной грунтовка мили две с половиной: три поворота, по скошенной траве, через рощу, мимо небольшого канала, дальше в болото и на лесную поляну.

Пятьдесят лет назад кто-то построил здесь дом. Значительная его часть еще на месте. Судя по ней, дом был большим. Три комнаты и половина крыши сохранились, однако ясно, что люди уехали отсюда много лет назад.

Вот только в маленьком заброшенном огороде в боковом дворе недавно что-то явно рыли.

– Останови машину, – приказал я, когда фары осветили развалины.

Отец Донован неуклюже повиновался. Страх уже перешел на тело, сковав ноги, руки и мысли.

– Выключи мотор, – велел я, и он выключил.

Вдруг стало очень тихо.

Какая-то живность стрекотала на дереве. Ветер шевелил траву. Все тише и тише... Молчание было таким глубоким, что почти поглотило рев ночной музыки, вырывающейся из моего тайного естества.

– Выходи, – сказал я.

Отец Донован не шевелился. Его глаза смотрели на ого-

род.

Там виднелись несколько небольших холмиков. В лунном свете земля на них казалась очень темной. А отцу Доновану она должна была казаться совсем черной. Он не двигался.

Я резко затянул удавку сильнее, чем он ожидал, сильнее, чем он был готов выдержать. Спина священника выгнулась, вены на лбу побагровели, он решил, что пришла смерть.

Но он ошибался. Пока нет. На самом деле еще довольно долго.

Я распахнул дверь машины и вытащил его за собой, просто чтобы он ощутил мою силу. Отец Донован вывалился на песчаную обочину, извиваясь, как раненая змея. Темный Пассажир рассмеялся, ему это понравилось, а я продолжил исполнение своей роли. Наступил ботинком священнику на грудь, крепко держа петлю.

– Ты выслушаешь меня и сделаешь, как я скажу. У тебя нет выбора. – Я наклонился и слегка ослабил петлю. – Ты должен понимать. Это важно.

И он услышал меня. Его глаза, налившиеся кровью и болью, встретились с моими в момент просветления: сейчас он увидит все, что должно с ним произойти. И он увидел. И понял, насколько для него важно вести себя *правильно*. Он начал понимать.

– Теперь вставай.

Медленно, очень медленно, не отводя от меня взгляда, отец Донован встал. Мы простояли так – глаза в глаза – до-

вольно долго, почти слившись в одно существо и одно желание. И тут он дрогнул. Попробовал поднести руку к лицу, но не донес.

– В дом, – очень тихо произнес я.

В дом, где все было готово.

Отец Донован опустил глаза. Попытался еще раз посмотреть на меня, но уже не смог. Повернулся в сторону дома, но остановился, вновь увидев темные холмики на огороде. Опять попытался взглянуть на меня и снова не смог – после вида этих черных, залитых лунным светом кучек земли.

Двинулись к дому, он – у меня на поводке. Священник шел, покорно опустив голову, – хорошая и понятливая жертва. Пять покосившихся ступеней вверх, по узкому крыльцу, к входной двери, которую кто-то захлопнул. Отец Донован остановился. Глаза вниз, на меня не смотрит.

– В дверь, – мягким командным голосом сказал я.

Отец Донован задрожал.

– Заходи в дверь, – повторил я, но он не смог.

Перегнувшись через священника, я распахнул дверь. Ногой толкнул отца Донована внутрь. Он споткнулся, устоял и остановился уже внутри, плотно стиснув веки.

Я закрыл дверь. На полу рядом с дверью я оставил фонарь и теперь поднял его и включил.

– Смотри, – прошептал я.

Отец Донован медленно и осторожно открыл один глаз. И замер. Время остановилось для отца Донована.

– Нет, – произнес он.

– Да, – настаивал я.

– О нет! – воскликнул он.

– О да.

– Не-е-ет! – заорал он.

Я поддернул удавку. Крик как обрезало, и священник упал на колени. Хрипловато захныкал.

– Да, – сказал я. – Ужасное месиво, правда?

Его лицо исказилось в попытке закрыть глаза. Он не мог смотреть, только не сейчас, только не на это. И немудрено, зрелище действительно *жуткое*. Но он должен это увидеть. Должен. Не ради меня. И не только ради Темного Пассажира. Ради *себя самого*. Он должен увидеть. А он как раз и не смотрел.

– Открой глаза, отец Донован, – велел я.

– Пожалуйста... – заныл он.

Это очень подействовало мне на нервы, хотя не должно бы; ледяной самоконтроль куда-то подевался: вот так нить при виде этого месива на полу!.. Я сбил его с ног, с силой затащил удавку, правой рукой схватил за затылок и шарахнул лицом прямо о грязный покоробившийся пол. На лице священника появилась кровь, и это взбесило меня еще больше.

– Открой глаза! Открой их. Открой их *немедленно*. Смотри! – Я за волосы откинул ему голову. – Делай, как тебе говорят. Смотри. Или я отрежу тебе веки.

Это прозвучало убедительно. Сработало. И он сделал то,

что ему сказали. Посмотрел.

Я хорошо потрудился, чтобы получилось нормально, но для этого пришлось работать с тем, что было. У меня бы вообще ничего не вышло, если бы они не пробыли там достаточно долго, чтобы все высохло. Но какие же они были грязные!.. Мне удалось очистить почти всю грязь, однако часть тел пролежала в земле так давно, что уже нельзя было сказать, где начиналась грязь, а где кончалось тело. Об этом невозможно не думать, правда... Такая грязь...

Их было семеро, семь маленьких тел, семь удивительно грязных приютских детишек, выложенных на резиновые коврики для душа, чистые и непромокаемые. Семь ровных полосок поперек комнаты.

Указывающие на отца Донована. И вот он знает. Он скоро будет с ними.

– Святая Мария всемилостивая!..

Я резко дернул удавку:

– Не надо этого, отец. Не сейчас. Сейчас – момент истины.

– Пожалуйста, – прохрипел он.

– Да, проси меня. Это хорошо. Намного лучше. – Я снова дернул. – Думаешь, это все, отец? Семь трупов? А они просили?

Ему нечего было сказать.

– Ты уверен, что это все, отец? Всего семь? Я всех выкопал?

– О Боже!.. – прохрипел он с болью, которую было прият-

но слышать.

– А что в других городах, отец? Как насчет Фейетвилла? Поговорим о Фейетвилле? – (Он только всхлипнул.) – А как насчет Ист-Оринджа? Там их было трое? Или я кого-то пропустил? Четверо в Ист-Ориндже, а, отец?

Отец Донован попытался издать крик. В получившемся слабом звуке звучало настоящее чувство, правда при плохой технике исполнения. Потом отец Донован свалился лицом вниз, и я дал ему немного понуть, прежде чем рывком поставил на ноги. Стоял священник, шатаясь, совершенно не контролируя себя. Он обмочился, по подбородку стекала слюна.

– Прошу вас, – проговорил он. – Я не мог ничего с собой поделать. Просто не мог. Пожалуйста, вы должны понять...

– Я понимаю, отец, – сказал я, и в моем голосе теперь уже было что-то от голоса Темного Пассажира.

Священник замер. Медленно поднял голову, и то, что он увидел в моих глазах, успокоило его.

– Прекрасно понимаю. – Я приблизился к нему вплотную, и пот на щеках священника, казалось, превратился в лед. – Видишь, я тоже ничего не могу с собой поделать.

Теперь мы почти касались друг друга. Исходящая от него вонь ударила мне в нос, и я, снова натянув удавку, сбил его с ног. Отец Донован растянулся на полу.

– Но дети?! Я никогда не смог бы сделать такое с детьми. – Я поставил свой тяжелый чистый ботинок ему на затылок и надавил что было силы. – Дети – никогда. Мне нужны такие,

как ты.

– Кто вы? – прошептал отец Донован.

– Начало, – ответил я. – И конец. Познакомься со своей смертью.

Игла была у меня наготове, она как нужно вошла ему в шею, легкое сопротивление сведенных мышц, но не самого священника. Нажатие на поршень – и шприц заполнил отца Донована быстрым и чистым покоем. Буквально через мгновение его голова поплыла, лицо повернулось ко мне.

Действительно ли он сейчас видит меня? Двойные резиновые перчатки, аккуратный комбинезон, гладкую шелковую маску? На самом деле видит? Или он увидит меня только в другой комнате, комнате Темного Пассажира, Чистой Комнате? Со стенами, выкрашенными два дня назад в белый цвет, вымытой, надраенной, проветренной, такой чистой, что чище не бывает. Посередине комнаты, окна которой заклеены плотными прорезиненными листами белого цвета, под яркими лампами на столе, который я сам сделал, видит ли он меня? Коробки с белыми мешками для мусора, бутылки с химикалиями и выложенные в ряд пилы и ножи? Видит ли он меня?

Или он видит только те семь грязных комков, хотя кто знает, сколько их всего было? Или, в конце концов, видит, как сам безмолвно превращается в такую же массу там, на огороде?

Конечно же нет. Его воображения недостаточно, чтобы

представить себя в таком виде. И в какой-то степени он прав. Ему никогда не стать тем ужасным месивом, в которое он превратил детей. Я никогда так не смог бы, не позволил бы себе такого. Я не такой, как отец Donovan, не такое чудовище.

Я очень чистоплотное чудовище.

Чистоплотность требует времени, но стóбит его. Стóбит, потому что Темный Пассажир будет доволен и надолго успокоится. Стóбит просто для того, чтобы делать все правильно и аккуратно. Убрать еще одну кучу дерьма из этого мира. Всего несколькими аккуратно упакованными мешками для мусора больше – и мой маленький уголок мира станет чище и счастливее. Лучше.

У меня около восьми часов, прежде чем придет пора уезжать. И чтобы сделать все правильно, мне потребуется все это время.

Клейкой лентой я привязал священника к столу, срезал всю одежду. Предварительную работу сделал быстро: побрил, помыл, обрезал все, что неряшливо торчало. Как всегда, я почувствовал, как прекрасный, долгий, медленный прилив начинает наполнять мое тело. Пока я работаю, он будет вибрировать во мне, поднимать и увлекать с собой, и так до самого конца, пока не угаснет и не превратится в отлив, на волнах которого уплывут и Жажда, и священник.

А перед тем как я принялся за серьезную работу, отец Donovan открыл глаза и посмотрел на меня. В них уже не было

страха – такое иногда случается. Глядя прямо на меня, он пошевелил губами.

– Что? – спросил я, придвинувшись ближе. – Не слышу тебя.

Он вздохнул, медленно и мирно, а потом снова произнес это... и закрыл глаза.

– Не за что, – ответил я и приступил к работе.

Глава 2

К половине пятого утра со священником было покончено. Все чисто. Я чувствовал себя намного лучше. Потом у меня всегда так. Просто тащусь от убийства. Оно вышибает из милашки Декстера его темные заморочки. Дивная разрядка, когда внутри открываются все эти гидравлические предохранительные клапаны. Я люблю свою работу, и извините, если это вас трогает. Нет, правда, извините. Но так уж сложилось. И конечно, речь идет не о каком-то обыкновенном убийстве. Мое убийство совершается должным образом, в должное время, с должным партнером – все это слишком сложно, но крайне необходимо.

Однако всегда немного опустошает. То есть я устал, хотя напряжение прошлой недели ушло, холодный голос Темного Пассажира успокоился, а я снова мог стать тем, кто я есть. Ловкий, забавный, беспечный и мертвый внутри Декстер. Уже не Декстер с ножом, не Декстер-мститель. Нет – до следующего раза.

Я вернул все тела на огород, добавив им нового соседа, прибрал как мог разваливающийся домишко. Все свои вещи сложил в машину священника и поехал в южном направлении туда, где на небольшом боковом канале стоял мой катер, семнадцатифутовый «Уэйлер» с небольшой осадкой и мощным движком. Прежде чем подняться на борт, я столкнул

машину священника в канал. Убедился, что она исчезла в воде. И только тогда завел движок и вывел судно из канала, направляясь на север, поперек залива. Солнце только вставало, отражаясь в надраенных деталях катера. Я надел свое самое доброе и счастливое лицо: ни дать ни взять – ранняя пташка-рыболов возвращается домой. Кто еще поймал такого тунца, как я?

К половине седьмого я уже был дома в Коконат-Гроуве. Достал из кармана препарат – обычную чистую полоску стекла, в центре которой аккуратная и одинокая капелька крови священника. Такая симпатичная и чистая, давно высохшая и всегда готовая попасть под мой микроскоп, когда мне захочется воспоминаний. Я положил препарат к остальным тридцати шести четким и аккуратным, очень сухим каплям крови.

Потом был особенно долгий душ, горячая-горячая вода смывала с меня остатки напряжения, расслабляла клубки мышц, уничтожала последние, еле ощутимые остатки запахов священника, огорода и небольшого домишки на болоте.

Дети. За это его стоило убить дважды.

Что бы ни сделало меня тем, кто я есть, оно опустошило меня, лишило чувств. Не считаю это таким уж крутым делом. Уверен, подавляющее большинство ежедневных человеческих контактов притворные. Я притворен просто всегда. Я классно притворяюсь, полное отсутствие чувств.

Но я люблю детишек. У меня их никогда не будет – сама

идея секса для меня не существует. Только представь себе это дело – да как ты можешь? Где твое чувство достоинства? Но дети, дети – это особое.

Отец Donovan заслужил смерть. Гарри со своим кодексом, да и Темный Пассажир должны быть довольны.

К семи пятнадцати я снова почувствовал себя очищенным. Выпил кофе, поел хлопьев и отправился на работу.

Здание, в котором я работаю, находится недалеко от аэропорта. Большая современная штукавина, белая, с массой стекла. Моя лаборатория на третьем этаже, в конце. Рядом с ней у меня небольшой кабинет. Не то чтобы кабинет, просто маленькая клетушка, отвоеванная от основного помещения лаборатории крови. Зато моя, ни с кем не делится, никто сюда не допускается, не лезьте на мою территорию. Стол со стулом, еще один стул для посетителя, если тот не слишком крупный. Компьютер, полка, шкаф для папок. Телефон. Автоответчик.

Автоответчик с мигающим индикатором. Сообщение на автоответчике для меня – не особо привычная штука. По ряду причин в мире очень немного людей, которые могли бы придумать, что сказать лаборанту, специализирующемуся на исследовании образцов крови. Одна из немногих, у кого есть что сказать, – Дебора Морган, моя сводная сестра. Коп, как и ее отец.

Сообщение – от нее.

Я нажал кнопку и услышал дребезжащую музыку в стиле

техно, потом – голос Деборы.

– Декстер, пожалуйста, как только появишься... Я на месте преступления на Тамиами-Трейл, у мотеля «Касик». – Пауза. Было слышно, как она прикрыла микрофон рукой и кому-то что-то сказала. Потом снова взрыв мексиканской музыки и снова ее голос. – Можешь выбраться сюда прямо сейчас? Прошу тебя, Декс!

И повесила трубку.

У меня нет семьи. По крайней мере, насколько мне известно. Где-нибудь, я уверен, должны быть носители аналогичного генетического материала. Мне жаль их. Но я никогда не встречался с ними, не пытался их найти, да и они не пытались. Меня усыновили и вырастили Гарри и Дорис Морган, родители Деборы. И если подумать, кем я стал, они здорово меня воспитали, как по-вашему?

Оба уже умерли. И потому Деб – единственный на свете человек, которому не плевать, жив я или нет. По какой-то неизвестной мне причине она предпочитает, чтобы я оставался живым. Я думаю, что это неплохо, и если бы у меня были чувства, они были бы связаны с Деб.

Поэтому я поехал. От парковки у Майами-Дейд¹ я быстро добрался до Тёрнпайк, а по ней на север – в сторону Тамиами-Трейл, где расположен мотель «Касик» и еще несколько сотен его братьев и сестер. В своем роде это рай. Особенно если ты таракан. Ряды строений, которым удастся одновре-

¹ *Майами-Дейд* – имеется в виду полицейский участок одноименного округа.

менно и сверкать, и разлагаться. Яркий неон на древних, запущенных и облупившихся конструкциях. Если окажешься там не ночью – приехать еще раз больше не захочется никогда. Потому что видеть такие места при дневном свете – это как читать последнюю строку своего непрочного контракта с жизнью.

В каждом крупном городе есть такие районы. Если карлик-извращенец захочет секса с кенгуру и школьным хором, он найдет сюда дорогу и снимет комнату. Когда он кончит, то может пригласить всю ораву в ресторанчик по соседству – на чашку кофе по-кубински и сэндвич «медианоче»². И всем будет наплевать, пока он дает чаевые.

В последнее время Дебора проводит там слишком много времени. Это ее мнение, не мое. Казалось бы, неплохое место, куда можно отправиться, если ты коп и желаешь повысить вероятность поймать того, кто нарушает закон.

Дебора смотрит на это иначе. Возможно, потому, что работает в полиции нравов. Симпатичная молодая женщина из полиции нравов, попав в район Тамиами-Трейл, обычно заканчивает наживкой под прикрытием. То есть стоит почти голая на улице и ловит мужиков, которые хотят платить за секс. Дебора терпеть этого не может. Никогда бы не работала по проституткам, разве что в социологическом аспекте. Не думайте только, что наблюдение за неверными мужьями

² Сэндвич «медианоче» (исп. medianoche – полночь) свое название получил по времени, когда его обычно едят. – Здесь и далее примеч. перев.

– реальная борьба с преступностью. И, это известно только мне, она терпеть не может все, что чересчур подчеркивает ее женственность и сексапильную фигуру. Дебора хотела быть копом, и не ее вина, что ей бы фотографироваться на обложку глянцевого журнала.

Заезжая на парковку между «Касиком» и его соседом – кубинским кафе «У Тито», я заметил, что в настоящий момент она подчеркивает свою фигуру на все сто. На Деборе был неоновый-розовый топ, обтягивающие шорты из спандекса, черные чулки в сеточку и туфли на шпильке. Прямо как из магазина одежды для голливудских шлюх, только в формате 3D.

Несколько лет назад кто-то из полицейских прослышал, что сутенеры смеются над ними в открытую. Оказалось, что копы из полиции нравов, в основном мужчины, сами выбирали наряды для своих оперативниц, работающих под прикрытием. И хотя выбор одежды очень многое говорил об их предпочтениях, он совершенно не походил на то, что носят шлюхи. Кто угодно на улице мог определить, есть ли в сумочке у новой девочки значок и пистолет.

В результате такой подсказки копы из полиции нравов начали настаивать, чтобы работающие под прикрытием девушки сами выбирали себе костюмы. В конце концов, девчонки больше знают о том, что выглядит правильно, да?

Может быть, большинство и знает. Но не Дебора. Она ни в чем не чувствует себя удобно, кроме джинсов. Вы бы виде-

ли, что она хотела надеть на выпускной. Я никогда не встречал красивую женщину в таком откровенном наряде, которая выглядела бы настолько сексуально непривлекательной, как Деб.

Но она выделялась. Дебора сдерживала толпу, значок поблескивал с верхнего края топа. Она больше бросалась в глаза, чем полмили ярко-желтой ленты, натянутой вокруг места преступления, и была заметнее трех патрульных машин со сверкающими мигалками.

Дебора стояла лицом к парковке, сдерживая растущую толпу зевак, в то время как команда криминалистов копалась в мусорном контейнере кафе. Хорошо, что меня не включили в нее. Вонюю помойки тянуло через всю стоянку – смесь смрада латиноамериканской кофейной гущи, испорченных фруктов и протухшей свинины.

Коп у въезда на парковку оказался знакомым. Он махнул мне, я въехал и нашел место, где встать.

– Деб, – приветствовал я сестру, подходя прогулочным шагом. – Ничего костюмчик! Фигуру демонстрирует в самом выгодном свете.

– Пошел ты! – залившись краской, ответила она; такое не часто увидишь у взрослого копа. – Нашли еще одну проститутку. По крайней мере, похожа на проститутку. Трудно сказать точно по тому, что от нее осталось.

– Уже третья за последние пять месяцев, – сказал я.

– Пятая. Еще двух нашли в Броуарде, – мотнула она голо-

вой. – А эти засранцы продолжают утверждать, что официальной связи между случаями не установлено.

– Какую кучу бумажной работы прибавила бы такая связь, – услужливо поддакнул я.

Деб решила показать зубки.

– А как насчет вашей чертовой обычной полицейской работы? – рыкнула она. – Идиоту понятно, что убийства связаны.

Ее слегка передернуло.

Я в изумлении уставился на Дебору. Она коп, дочь копа. Ее ничем особо не проймешь. Когда Дебора только поступила в полицию и старшие ребята подшучивали над ней – показывали искромсанные тела, которых в Майами навалом ежедневно, надеясь, что она стравит свой обед, – она даже глазом не вела. Все это она уже видела. Была, делала, знает. А сейчас ее передернуло.

Интересно.

– Особый случай, что ли? – спросил я.

– Случай, который произошел на моем участке. – Она ткнула в меня пальцем. – А значит, я намерена раскопать это дело, засветиться и получить перевод в отдел убийств.

Я одарил ее счастливой улыбкой:

– Амбиции, Дебора?

– Да, черт возьми! Я хочу выбраться из полиции нравов и из долбаного секс-костюма. Я и правда хочу в отдел убийств, Декстер, и это дело может стать моим билетом. При

одном маленьком условии... – Она замолчала, а потом сказала нечто совершенно ошеломляющее: – Пожалуйста, помоги мне, Декс.

– Пожалуйста, Дебора? Ты говоришь мне *пожалуйста!* Ты знаешь, как я начинаю от этого нервничать?

– Хватит трепаться, Декс!

– Нет, серьезно, Дебора...

– Я сказала, хватит! Ты pomoжешь мне или нет?

После того как она все так повернула, да еще это странное и редкое «пожалуйста», что я мог ответить, кроме:

– Конечно, Деб. Ты же знаешь, что помогу.

– Я *не знаю* этого, Декс. Я ничего про тебя не знаю.

– Обязательно помогу, Деб, – повторил я, стараясь показать, что я удивлен.

С очень хорошей имитацией оскорбленного достоинства на лице я направился к помойке, где возились остальные крысы-криминалисты.

Камилла Фидж в поисках отпечатков пальцев ползала по куче мусора. Эта коренастая женщина с короткой стрижкой, лет тридцати пяти, никогда не реагировала на мои легкие и элегантные комплименты. Увидев меня, она встала на колени, покраснела и проводила взглядом, не сказав ни слова. Она всегда так – уставится на меня, а потом краснеет.

На дальнем конце помойки на перевернутом ящике изпод молока сидел Винс Масука и копался в горсти мелкого мусора. Он наполовину японец и любит шутить, что на

его долю пришлось меньшая половина. По крайней мере, он считал это шуткой.

В открытой азиатской улыбке Винса есть что-то слегка неестественное. Как будто он научился ей по книге с картинками. Даже когда он проделывает над копами положенные по штату грязные шутки и приколы, никто не злится на него. Правда, никто и не смеется, но Винса это не останавливает. Он продолжает воспроизводить свои корректные ритуальные жесты, однако всегда кажется, что он просто прикидывается. Думаю, именно потому он мне и нравится. Еще один парень, притворяющийся человеком, прямо как я.

– Ну, Декстер, – произнес Винс, не поднимая глаз, – что привело тебя сюда?

– Я приехал, чтобы увидеть, как настоящие эксперты действуют в полностью профессиональной атмосфере. Не встречал здесь таких?

– Ха-ха, – ответил он. Предполагалось, что это смех, однако он был еще фальшивее его улыбки. – Тебе мерещится, что ты в Бостоне? – Винс что-то нашел, повернул к свету и прищурился. – Seriously, почему ты здесь?

– Почему бы мне здесь не быть, Винс? – произнес я, стараясь нарочито возмутиться. – Здесь произошло преступление, не так ли?

– Ты занимаешься кровью, – заметил он, отбросил в сторону то, что рассматривал, и снова принялся за поиски.

– Не спорю.

Он посмотрел на меня с самой фальшивой улыбкой в мире:

– Здесь нет крови, Декс.

– Не понял? – У меня голова слегка пошла кругом.

– Здесь нет крови – ни внутри, ни снаружи, ни рядом. Вообще нет крови, Декс. Такого я еще не видел.

Совсем нет крови... Я понял, что повторяю эту фразу про себя, с каждым разом все громче и громче. Липкой, горячей, ужасно тягучей крови. Ни пятнышка. Ни следа.

СОВСЕМ НЕТ КРОВИ.

Почему я об этом раньше не подумал? Такое ощущение, будто нашел недостающее звено неизвестно к чему.

Я не претендую на понимание того, что связывает Декстера и кровь. Иногда от мыслей об этом у меня начинают постукивать зубы, однако кровь стала моей карьерой, моей наукой, частью моей реальной работы. Очевидно, какие-то глубинные процессы должны происходить, но мне как-то тяжело все время ими интересоваться. Я есть то, что есть, и разве не приятно провести ночь, препарировав убийцу детей?

Но здесь...

– У тебя все нормально? – спросил Винс.

– Фантастика. Как он это сделал?

– Возможны варианты.

Винс рассматривал горсть кофейной гущи, передвигая ее частички пальцем, затянутым в резиновую перчатку.

– Что за варианты, Винс?

– Смотри кто он такой и зачем он это делает.

Я покачал головой:

– Иногда, Винс, ты прилагаешь слишком много усилий, чтобы тебя не понимали. Как убийца избавился от крови?

– Трудно сказать прямо сейчас. Мы не нашли ни капли. Да и тело в не слишком хорошем состоянии, так что обнаружить что-либо будет нелегко.

Вот это уже менее интересно. Я люблю оставлять аккуратные тела. Ни суеты, ни грязи, ни капающей крови. Если этот убийца всего-навсего еще один пес, грызущий свою кость, меня он не интересуется.

Я вздохнул с некоторым облегчением и спросил:

– А где тело?

Винс дернул головой в сторону, показав на точку футах в двадцати:

– Вон там. С Лагуэртой.

– О боже! – вздохнул я. – Дело ведет Лагуэрта?

Винс снова улыбнулся своей притворной улыбкой:

– Убийце повезло.

Посмотрев в ту сторону, я увидел группу людей, стоящих вокруг кучки аккуратных мешков для мусора.

– Ничего не вижу, – сказал я.

– Да там же. Мешки. Каждый – это часть тела. Он разрезал жертву на куски и каждый из них запаковал, точно рождественский подарок. Ты когда-нибудь видел что-нибудь подобное?

Конечно да.

Именно так поступаю и я.

Глава 3

Есть что-то странное и обезоруживающее в присутствии на месте убийства при ярком свете дня. В лучах солнца Майами самые гротескные убийства выглядят антисептически. Постановочными. Как будто в Диснейленде на новом аттракционе не для слабонервных. Дамерленд³. Пищевые отходы просим выбрасывать только в предназначенные для них контейнеры.

Не то чтобы вид расчлененных тел когда-либо действовал мне на нервы, о нет. Меня немного возмущают изуродованные, у них нехорошие флюиды – неприглядная картина. Все остальное не хуже, чем тощие ребра в мясной лавке. А вот новичков и случайных гостей от сцен убийств тянет блевануть, и по какой-то причине здесь они блюют намного меньше, чем на севере. Видимо, солнце снижает остроту восприятия. Оно все очищает, делает опрятнее. Может быть, потому я и люблю Майами. Такой *чистый* город.

В Майами уже пришел чудесный жаркий день. Каждый, кто с утра надел пиджак, теперь гадает, как бы от него избавиться. Увы, на неухоженной парковке такого места не найти. Здесь пять или шесть машин да мусорный контейнер. Его запихнули в угол рядом с кафе; позади него – розовая

³ *Дамерленд* – Диснейленд – ассоциативная игра слов; Джеффри Лайонел Дамер – серийный убийца, совершивший с 1981 по 1991 г. 18 зверских убийств.

оштукатуренная стена с колючей проволокой сверху. Тут же задняя дверь в кафе. Угрюмая молодая женщина сновала взад-вперед, делая на копах и техническом персонале быстрый бизнес, подавая *café cubano* и *pasteles*⁴. У горстки разномастных копов в пиджаках, которые околачиваются в местах убийств – то ли чтобы помелькать и оказать давление на следствие, то ли чтобы быть в курсе, – теперь появилось еще несколько развлечений. Кофе, пирожок и пиджак.

В банде криминалистов пиджаков не носят. Рубашки для боулинга из вискозы с двумя карманами катят им больше. Я сам такую же ношу. Рисунок на ткани – черные барабанчики вуду и пальмы на ярко-зеленом фоне. Стильно, но практично.

Я направился к ближайшей вискозной рубашке в группе сгрудившихся вокруг тела людей. Она принадлежала Эйнджелу Батисте-не-родственнику⁵, как он обычно представляется. «Привет, я Эйнджел Батиста, не родственник». Эйнджел работал в отделе медэкспертизы. В настоящий момент он сидел на корточках перед одним из мусорных мешков и заглядывал внутрь.

Я присоединился к нему. Мне самому интересно увидеть, что там в мешке. Все, что могло вызвать у Деборы такую реакцию, заслуживает, чтобы на это взглянули.

⁴ Кофе по-кубински... пирожки (*исп.*).

⁵ Таким образом Эйнджел объясняет, что он не родственник диктатора Кубы Батисты (1901–1973).

– Эйнджел, – я присел рядом с ним на корточки, – что мы имеем?

– Что ты подразумеваешь, говоря «мы», белый юноша? – спросил он. – На сей раз у нас нет крови. Ты без работы.

– Я слышал. Это сделали здесь или просто сюда выбросили?

– Трудно сказать, – покачал он головой. – Мусор отсюда вывозят два раза в неделю, так что *этому* дня два.

Я обвел взглядом парковку, затем заплесневелый фасад «Касика»:

– А что мотель?

– Там еще проверяют, – пожал плечами Эйнджел, – но не думаю, что найдут что-нибудь. Раньше он просто использовал ближайший контейнер. Хм...

– Что?

Карандашом Эйнджел оттянул край пластикового мешка.

– Посмотри на разрез.

Конец расчлененной ноги торчал наружу и на ослепительном солнце выглядел бледным и исключительно мертвым. Фрагмент заканчивался лодыжкой, ступня была тщательно отделена. Кусочек маленькой татуировки – бабочки – остался, только одно крыло было отрезано вместе со ступней.

Я присвистнул. Почти хирургическая точность. Этот парень очень хорошо работает – так же хорошо, как и я.

– Очень чисто, – произнес я.

И это так, даже не считая аккуратного разреза. Я нико-

гда не видел такой чистой, сухой, аккуратной мертвой плоти. Превосходно.

– Me sago en diez⁶ на «хорошо и чисто». Выглядит незаконченным.

Наклонившись, я заглянул глубже в мешок. Там ничего не двигалось.

– По-моему, вполне законченно.

– Посмотри, – Эйнджел приоткрыл другие мешки, – вот эта нога, он разрезал ее на четыре части. Почти как по линейке или типа того. И эта тоже. – Тут он показывает на первую лодыжку, которая вызвала у меня такой глубокий восторг. – А эту он разрезает всего на две части. Что за хрень?

– Я точно не знаю. Может быть, детектив Лагуэрта вычислит?

Мы с Эйнджелом посмотрели друг на друга, стараясь сохранить на лице серьезное выражение.

– Может, и вычислит. Почему бы тебе самому не спросить ее?

– Hasta luego⁷, Эйнджел.

– Не сомневайся, – ответил он, не отрываясь от содержимого пластикового мешка.

Несколько лет назад ходил слухок, что детектив Мигдия Лагуэрта попала в отдел убийств благодаря тому, что с кем-то спала. Если разок на нее взглянуть, можно и купиться

⁶ Да насрать мне (*исп.*).

⁷ До свидания; здесь: увидимся позже (*исп.*).

на эту информацию. Чтобы выглядеть физически привлекательной в таком мрачноватом аристократическом стиле, у нее есть все необходимые атрибуты и в нужных местах. Настоящая художница: прекрасный макияж и одета очень хорошо – шик от «Блумингдейлса». Но слух не может быть правдой. Начнем с того, что, хотя внешне она выглядит очень женственной, я никогда не встречал женщины, которая была бы настолько мужеподобной в душе. Она жесткая, амбициозная в самом эгоистичном смысле. Кажется, ее единственной слабостью остаются рекламные красавцы на несколько лет моложе ее самой. Так что я совершенно уверен, что Мигдия попала в убойный отдел не через секс. Она попала в убойный, потому что она кубинка, играет в политику и умеет лизать зад. В Майами такая комбинация намного полезнее секса.

А Лагуэрта очень, очень хороша в лизании зада. Прямо мировой класс! Она лизала зад всю дорогу, пока шла к высокой должности следователя отдела убийств. К сожалению, это такая работа, где ее способности в облизывании тылов уже не нужны, а детектив она бездарный.

Такое бывает: некомпетентности чаще воздается, чем наоборот. Так или иначе, мне приходится с ней работать. Чтобы понравиться ей, я употребил солидную долю своего шарма. Это оказалось легче, чем можно подумать. Каждый способен добиться расположения, если только не брезговать лукавством, если все время говорить тупые, банальные, вызы-

вающие тошноту слова, те, которые обычно человеку не даст произносить совесть. К счастью, у меня совести нет. Я их произношу.

Когда я приблизился к небольшой группе, собравшейся возле кафе, Лагуэрта допрашивала кого-то на своем реактивном испанском. Я говорю по-испански, я даже немного секу по-кубински. Но из десяти слов Лагуэрты я понимаю только одно. Кубинский диалект – позор испаноговорящего мира. Кажется, что весь разговор – гонка под невидимый секундомер, цель которой – за три секунды выплеснуть как можно больше слов без единого гласного звука.

Чтобы уследить за таким разговором, существует одна-единственная хитрость – знать, что человек собирается сказать, прежде чем он это скажет. Что, кстати, способствует той клановости, на которую часто жалуются некубинцы.

Человек, которого поджаривала Лагуэрта, был невысокий и коренастый, черноволосый, с индейскими чертами лица. Его явно напугали ее диалект, тон и полицейский значок. Отвечая, бедняга старался не смотреть на Мигдию, и, казалось, это заставляло ее говорить еще быстрее.

– No, no hay nadie afuera, – тихо и медленно произнес он, глядя в сторону. – Todos estan en cafe⁸.

– Donde estabas?⁹ – спрашивала она.

Человек взглянул на грудку частей тела и быстро отвел

⁸ На улице никого не было... Все были в кафе (*исп.*).

⁹ Где был ты? (*исп.*)

взгляд.

– Cocina. Entonces yo saco la basura¹⁰.

Лагуэрта продолжала давить на него словесно, задавала неправильные вопросы таким угрожающим и унижающим тоном, что индеец начал постепенно забывать об ужасе, испытанном, когда он обнаружил в контейнере части тела, замкнулся и стал абсолютно неконтактным.

Рука настоящего мастера. Взять главного свидетеля и построить его против себя. Если удастся раскрутить дело по горячим следам, потом столько выигрываешь на времени и бумажной работе!

Лагуэрта закончила несколькими резкими фразами и отправила беднягу.

– Индейцы, – процедила она, когда мужчина, тяжело ступая, отошел достаточно далеко.

– Они разные бывают, детектив, – вмешался я. – Встречаются даже крестьяне.

Лагуэрта подняла глаза, осмотрела меня сверху донизу, медленно, а я стоял и удивлялся, к чему бы это. Она забыла, как я выгляжу? Но она закончила процесс широкой улыбкой. Я и правда ей нравился, идиотке.

– Hola¹¹, Декстер. Что ты здесь делаешь?

– Я услышал, что ты здесь, и не мог не приехать. Детектив, когда же вы выйдете за меня замуж?

¹⁰ Кухня. Потом я выносил мусор (*исп.*).

¹¹ Привет (*исп.*).

Она хихикнула. Полицейские, слышавшие мои слова, переглянулись и отвели взгляд.

– Я никогда не покупаю туфли, не примерив их, – парировала Лагуэрта. – Как бы хорошо они ни выглядели.

И хотя я верю, что это правда, мне трудно найти объяснение, почему после этой фразы она смотрит на меня, проводя языком между зубами.

– А теперь иди, ты меня отвлекаешь. У меня серьезная работа.

– Это я вижу. Ты еще не поймала убийцу?

– Ты говоришь, как репортер, – фыркнула она. – Через час эти засранцы уже будут наседать на меня.

– И что ты им скажешь?

Мигдия посмотрела на кучу человеческих фрагментов и нахмурилась. Не потому, что их вид беспокоил ее. Она видела только свою карьеру и пыталась сформулировать заявление для прессы.

– Это лишь вопрос времени. Убийца совершит ошибку, и мы его поймаем...

– То есть подразумевается, что до сих пор он не совершал ошибок, у тебя нет улики, и, прежде чем что-то предпринять, тебе придется подождать, пока он не убьет кого-нибудь еще, – подсказал я.

Лагуэрта бросила на меня жесткий взгляд:

– Я забыла. Почему ты мне нравишься?

Я только пожал плечами. У меня не было версии, равно

как и у нее.

– Что мы имеем – это ничего в квадрате – nada у nada. Гватемалец, – она скорчила рожу вслед уходящему индейцу, – нашел тело, когда выносил мусор из ресторана. Он не узнал эти мешки и открыл один, чтобы посмотреть, нет ли там чего-нибудь полезного. А там была голова.

– Ку-ку, – тихо произнес я. – А?

– Нет, ничего.

Мигдия нахмурилась, отвернулась, быть может, в надежде, что улика откуда-нибудь выскочит и тогда она ее пристрелит.

– Значит, так. Никто ничего не видел, ничего не слышал. Ничего. И чтобы что-то выяснить, мне придется ждать, пока твои тупицы-сослуживцы здесь не закончат.

– Детектив, – произнес голос позади нас.

Капитан Мэттьюс в облаке лосьона после бритья «Арамис». Следовательно, вот-вот появятся репортеры.

– Здравствуйте, капитан, – отозвалась Лагуэрта.

– Я попросил офицера Морган заняться периферийным расследованием этого дела. – (Лагуэрту передернуло.) – В ее распоряжении как оперативного работника под прикрытием имеются источники в среде проституток, которые могли бы оказаться полезными в поиске решения.

Говорит прямо как по тезаурусу. Столько лет писать рапорты...

– Капитан, я не уверена, что есть необходимость... – на-

чала Лагуэрта.

Он моргнул и положил руку ей на плечо. Руководить людьми – это наука.

– Расслабьтесь, детектив. Она не собирается вторгаться в ваши должностные прерогативы. Просто будет связываться с вами, если у нее появится информация. Свидетели и все такое. Ее отец был чертовски хорошим копом! Договорились? – Глаза капитана остекленели и сфокусировались на другом конце парковки. Я проследил за его взглядом. На стоянку въезжал фургон Седьмого канала. – Извините, – сказал Мэттьюс, поправил галстук и с серьезным выражением лица направился к фургону.

– Puta!¹² – прошипела Лагуэрта.

Не знаю, было ли это просто общим наблюдением или относилось к Деб, но я решил, что самый момент тоже исчезнуть, пока Лагуэрта не вспомнила, что офицер Puta – моя сестра.

Когда я вернулся к Деб, Мэттьюс уже жал руку Джерри Гонсалесу с Седьмого канала. Джерри – чемпион Майами по кровавой журналистике. Парень моего типа. На сей раз он будет разочарован.

Легкая дрожь прошла у меня по коже.

Никакой крови.

– Декстер, – Дебора старалась говорить голосом полицейского, но я-то слышу, что она волнуется, – я поговорила с

¹² Шлюха! (исп.)

капитаном Мэттьюсом, он допускает меня к делу.

– Я слышал, – ответил я. – Будь осторожна.

Она прищурилась:

– Что ты имеешь в виду?

– Лагуэрта.

– А-а, эта! – фыркнула Дебора.

– Да, эта. Ты ей не нравишься, и она не хочет тебя видеть на своей поляне.

– Круто. Но она подчиняется приказам капитана.

– Ну-ну. И вот уже минут пять думает, как их обойти. Так что посматривай по сторонам, Деб.

Она только пожала плечами:

– И что же ты выяснил?

– Пока ничего. Лагуэрта уже идет не в ту сторону. А вот Винс говорит... – Я замолчал.

Не слишком ли тонкая тема, чтобы озвучивать ее?

– Что говорит Винс?

– Мелочь, Деб. Деталь. Кто знает, что она может означать?

– Никто так и не узнает, если ты не расскажешь о ней.

– Понимаешь... в теле не осталось крови. Совсем не осталось.

Дебора на секунду затихла, раздумывая. Не с благоговением, как я, а просто раздумывая.

– Ладно, – наконец сказала она. – Сдаюсь. Что это значит?

– Слишком рано судить.

– Но ты считаешь, что это должно что-то означать.

Это означает странное легкомыслие. Означает, что появился зуд желания больше узнать об убийце. Означает одобрительный смешок Темного Пассажира, который после священника должен был бы сидеть тихо. И все это довольно сложно объяснить Деборе, ведь правда? Так что я сказал только:

– Все может быть, Деб. Кто знает?

Полсекунды она смотрела на меня, потом пожала плечами:

– Ну ладно. Что-нибудь еще?

– О, навалом, – ответил я. – Очень тонкая работа ножом. Разрезы почти хирургические. Если в мотеле ничего не найдут, ее, скорее всего, убили где-то еще, а тело сюда перевезли.

– Откуда?

– Очень хороший вопрос. Половина полицейской работы в том, чтобы правильно задать вопрос.

– Вторая половина – чтобы ответить, – парировала Дебора.

– Ладно тебе. Никто пока не знает. И у меня, конечно, нет всех экспертных данных...

– Но ты начинаешь чувствовать интерес.

Я посмотрел на нее, она – на меня. У меня есть интуиция. Я даже заработал на этом некоторую репутацию. Мои предчувствия нередко сбываются. А почему бы и нет? Я часто знаю, как думает убийца. Я думаю точно так же. Конечно, я

не всегда прав, иногда я оказываюсь слишком далеко от цели. Да и нехорошо, если я всегда буду прав. Я не хочу, чтобы копы поймали здесь *всех* серийных убийц, чем же я буду заниматься в качестве хобби? Но данный случай... Каким путем мне двинуть к этой замечательно интересной эскападе?

– Скажи, Декстер, – настаивала Дебора, – у тебя есть какие-нибудь догадки?

– Возможно. Но об этом еще рано.

– Ну, Морган, – раздался голос Лагуэрты позади, и мы оба обернулись, – я вижу, вы одеты для настоящей полицейской работы.

Тон Лагуэрты подействовал как пощечина. Дебора напрыглась.

– Вы обнаружили что-нибудь, детектив? – спросила она тоном, который уже предполагал знание ответа.

Дешевый удар. Мимо. Лагуэрта грациозно взмахнула рукой.

– Это же всего-навсего *putas*, – сказала она, уставившись на ложбинку между грудями Деб, так откровенно торчащими из костюма проститутки. – Просто шлюхи. Здесь важно, чтобы пресса не устроила истерику. – Она медленно покачала головой, как бы сомневаясь, потом подняла глаза на Деб. – Учитывая то, как вы справляетесь с гравитацией, это будет несложно.

И, подмигнув мне, устремилась на ту сторону периметра, где капитан Мэттьюс с большим достоинством разговаривал

с Джерри Гонсалесом.

– Сука! – прошипела Дебора.

– Извини, Деб. А ты хотела, чтобы я сказал: «Давай покажем ей»? Или: «Я же говорил»?

Деб сверкала глазами:

– Черт возьми, Декстер! Мне и правда хочется, чтобы именно я нашла этого парня!

И тут я вспомнил об этом самом: «совсем никакой крови»...

Я тоже. Мне тоже хочется найти его.

Глава 4

Тем же вечером после работы я решил покататься на катере. Отдохнуть от вопросов Деб и рассортировать ощущения. Чувства. Я – и чувства. Ну и концепция.

Я медленно направил «Уэйлер» на выход из канала – никаких мыслей, идеальное состояние «дзен», – просто мимо больших домов на берегу, отделенных друг от друга высокими заборами и ограждениями из цепей. Катер отбрасывал высокую волну, а я широко улыбался соседям, которые будто все до единого высыпали в свои аккуратные дворики, спускающиеся к набережной канала. Дети играли на наманикюренной травке. Мамы и папы жарили барбекю, лежали в шезлонгах или просто бездельничали, поглядывая на детей орлиным взором. Всем им я махал рукой. Некоторые даже махали в ответ. Они меня знают, многие видели раньше, всегда в хорошем настроении. Такой большой привет каждому.

Он всегда казался таким приятным человеком. Таким приветливым. Не могу поверить, что он творил такие ужасы...

Выйдя из канала, я поддал газу, направляясь на выход из пролива, в сторону мыса Флорида. Ветер в лицо и вкус соленой водяной пыли на губах очистили мысли, стало ясно и свежо. Я обнаружил, что думается значительно легче. Отчасти благодаря миру и покою, исходящему от воды, отча-

сти благодаря лучшим традициям навигации в Майами: похоже, все вставшие нынче вечером за штурвал пытаются тебя убить. И это тоже очень расслабляет. Я чувствую себя как дома. Моя страна, мой народ.

За рабочий день я обнаружил не так много новой криминальной информации. Примерно к обеду история стала известна на всю страну. После «страшной находки» у мотеля «Касик» все узнали об убийствах проституток. Седьмой канал мастерски представил образ истерического ужаса, вызванного частями человеческого тела в контейнере, не рассказав практически ничего конкретного. Как пронизательно заметила детектив Лагуэрта, это всего-навсего шлюхи, но коли средства массовой информации разбудили общественное мнение, на их месте вполне могли оказаться и дочери сенатора. И вот уже департамент полиции, точно зная, какая душераздирающая писанина вскорости повалит от бесстрашных солдат пятой колонны, начинает готовить длинные заклинания для оборонительного маневрирования.

Деб оставалась на месте, пока капитан не забеспокоился, что слишком перерабатывает должностным лицом, и не отправил ее домой. Она начала звонить мне с двух часов, чтобы узнать, что я обнаружил. Увы, немного. В мотеле не нашли ничего. На парковке обнаружено много следов шин, но ни одного отчетливого. Никаких следов или отпечатков пальцев ни на контейнере, ни на мешках, ни на частях трупа. Ничего. Чисто. Проверено инспекцией министерства сельского

хозяйства США.

Единственной крупной зацепкой была левая нога. Как заметил Эйнджел, правая нога расчленена на несколько аккуратных частей – бедро, колено, лодыжка. А левая – нет. Только два тщательно упакованных фрагмента. Ага, сказала детектив Лагуэрта, гений в юбке. Кто-то помешал убийце, застал врасплох, испугал, потому он и не закончил работу. Запаниковал, когда его заметили. И она направит все свои усилия на поиск этого свидетеля.

С теорией помехи детектива Лагуэрты должна быть хотя бы одна небольшая проблема. Крошечная такая, маленькая деталька – вроде расщепленных волосков; но все тело было тщательно вымыто и завернуто, предположительно уже после расчленения. А потом его осторожно доставили к мусорному контейнеру. Очевидно, у убийцы было достаточно времени, чтобы не наделать ошибок и не оставить следов. Или – чудо из чудес! – может, есть что-то, чего никто не заметил? Возможно. В работе полицейских так много рутины, что подгонять детали под шаблон – обычное дело. А если шаблон совершенно новый, то следствие начинает напоминать анекдот о трех слепцах, изучающих слона с помощью микроскопа.

Так как я не слеп и не связан рутинной, то больше похоже, что убийца просто почувствовал неудовлетворение. В конце концов, уже пятое убийство по одному и тому же шаблону. Может, ему просто надоело вот так чикать тело? Может,

нашему парню нужно что-то еще, что-то другое? Новое направление, неожиданный поворот?

Я почти ощутил его разочарование. Зайти так далеко и всегда до конца, делить все эти остатки под формат подарочной упаковки... И вдруг неожиданное прозрение. *Не то. Что-то не так. Coitus interruptus.* Прерванное соитие.

Просто такая манера перестала его устраивать. Нужно что-то еще. Он пытается что-то выразить, но пока не подобрал нужный вокабуляр. То есть если бы я был на его месте, то действительно должен был чувствовать разочарование. И очень вероятно – продолжить поиски ответа.

Скоро.

Пусть Лагуэрта ищет своего свидетеля. Все равно не найдет. Это холодный и осторожный монстр, я им абсолютно восхищаюсь. Однако что мне делать со своим восхищением? Я не знал, потому и уединился на катере – чтобы подумать.

Какой-то скутер пересек мой курс на семидесяти милях в час. Я радостно помахал ему и вернулся в настоящее. Приближался Стилтсвилл, самое заброшенное в районе мыса Флорида собрание старых домов на сваях. Я шел широкой дугой, без цели, и мои мысли двигались по такой же пологой дуге.

Что делать? Нужно решать сейчас, пока я не слишком увяз в оказании помощи Деборе. Я способен помочь ей. Лучше меня в этом никто не понимает. Никто даже движения не сделал в нужном направлении. Но хочу ли я помогать? Хочу

ли, чтобы убийцу арестовали? Или хочу сам найти и остановить его? А за всем этим – досадная мыслишка: а хочу ли я его останавливать?

Что же мне делать?

Справа в закатном свете дня еле виднелся Эллиот-Ки. Каждый раз я вспоминаю нашу поездку туда с Гарри Морганом. Моим приемным отцом. Хорошим Полицейским.

Ты не такой, как все, Декстер.

Да, Гарри, конечно, я не такой.

Ты можешь научиться контролировать свою непохожесть и использовать ее конструктивно.

Ладно, Гарри. Если ты так считаешь. Но как?

И он сказал мне.

Нигде не найти такого звездного неба, как в Южной Флориде, когда тебе четырнадцать и ты в походе с папой. Даже если это твой приемный папа. И даже если вид звезд просто наполняет тебя чем-то похожим на удовольствие, об эмоциях речи не идет.

Костер умер, звезды стали удивительно яркими, мой дорогой старикан – приемный папа – уже довольно долго молчит, отхлебывая помаленьку из старомодной плоской фляжки, которую он достал из бокового клапана рюкзака. Отец не особо силен в этом деле, как другие копы, не умеет пить. Но вот фляжка опустела, и пришло время ему высказаться, а то когда он еще решится.

– Ты не такой, как все, Декстер...

Я отвожу взгляд от ярких звезд. Вокруг небольшой песчаной полянки пляшут тени последних всполохов костра. Часть из них струится по лицу Гарри. Он какой-то странный, таким я никогда его не видел. Решительный, несчастный, слегка выпивший.

– Что ты имеешь в виду, пап?

– Биллапс говорит, что пропал Бадди, – произносит он, не глядя на меня.

– Противная шавка! Лаяла ночи напролет. Мама никак не могла уснуть.

Конечно, маме нужно спать. Она умирает от рака, ей требуется спокойный отдых, а из-за ужасной собачонки через дорогу, которая тьякала на каждый упавший лист, не уснуть.

– Я нашел могилу, – сказал Гарри. – Там много костей, Декстер. И это кости не только Бадди.

Тут ничего особо не ответишь. Я перебираю сосновые иголки и жду дальше.

– И давно ты этим занимаешься?

Я ищу в темноте лицо Гарри, потом перевожу взгляд на заливчик у пляжа. Там на волнах слегка покачивается наша лодка. Огни Майами едва виднеются справа, мягкий белый ореол. Я не могу понять, куда клонит Гарри и что он хочет услышать. В этом весь мой приемный папа – прямолинейный, и правда хорошо с ним уживается. Он или всегда все знает, или обязательно узнает.

– Полтора года, – отвечаю я.

Гарри кивает:

– И почему ты этим занялся?

Отличный вопрос, но, конечно, не по моим четырнадцати годам.

– Я просто... ну, как бы... мне пришлось.

Уже тогда, в том возрасте, я отвечал мягко и уклончиво.

– Ты слышишь голоса? – продолжает допытываться Гарри. – Кто-то или что-то говорит тебе, что делать, и ты это делаешь?

– Ну, – отвечаю я с красноречием четырнадцатилетнего подростка. – Не совсем.

– Расскажи мне.

Луна, большая толстая луна. На нее хочется смотреть и смотреть. Я снова набираю в ладонь сосновых иголок. Лицо мое горит, словно папа расспрашивает о моих сексуальных снах. Что по-своему...

– Я... ну... вроде... понимаешь... Как будто что-то *чувствую*, – говорю я. – Внутри. Что-то наблюдает за мной. Или может быть... смеется? Не то чтобы голос, а как...

Снова красноречивое пожатие плечами. Однако Гарри улавливает в этом какой-то смысл.

– И это *нечто* заставляет тебя убивать?

Высоко в небе слышится звук реактивного самолета.

– Не то чтобы *заставляет*. Просто делает так, что это начинает казаться неплохой мыслью.

– А тебе никогда не хотелось убить что-то большое? Больше, чем собака.

Я пытаюсь ответить, но в горле встает комок. Я прокашливаюсь и отвечаю:

– Да.

– Человека?

– Никого особо, пап. Просто... – Я снова пожимаю плечами.

– И почему ты еще этого не сделал?

– Ну... я подумал, что вам это не понравится. Тебе и маме.

– Именно это останавливает тебя?

– Я... ну... я не хочу, чтобы ты... ну... злился на меня. Это... Ты понимаешь. Не хочу расстраивать тебя. – Украдкой я бросаю взгляд на Гарри; он не мигая смотрит на меня. – Мы затем пошли в поход, пап? Чтобы поговорить об этом?

– Да, – отвечает Гарри. – Надо же разобраться с тобой.

Разобраться, точно. Именно так Гарри представляет себе жизнь – отглаженная рубашка и надраенные туфли. И уже тогда я знал: жажда убивать рано или поздно приведет к тому, что нужно будет разбираться.

– Как? – спрашиваю я, а он смотрит на меня долгим и тяжелым взглядом, а потом кивает, поняв, что я с ним, шаг в шаг.

– Молодец, – говорит он. – Теперь слушай.

Несмотря на это «теперь слушай», проходит довольно много времени, прежде чем Гарри начинает говорить вновь.

Я смотрю на огни проплывающего ядра в двухстах от нашего маленького пляжа катера. Звук мотора заглушается ревом радио, настроенного на кубинскую музыкальную станцию.

– Теперь слушай, – повторяет Гарри, и я смотрю на него.

Но он смотрит в сторону, поверх умирающего огня, куда-то далеко... в будущее, что ли?

– Такие дела, – произносит он, и я внимательно слушаю.

Гарри всегда так начинает, прежде чем раскрыть тебе истину высшего порядка. Так он говорил, когда учил меня закручивать мяч и бить хуком слева. *Такие дела*, говорил он, и так было всегда, именно так.

– Я старею, Декстер. – Он подождал, чтобы я возразил, не дождался и кивнул. – Думаю, люди с возрастом начинают понимать вещи иначе. Вопрос не в том, что становишься мягче или начинаешь видеть вещи не черно-белыми, а серыми. Я и правда думаю, что понимаю вещи иначе. Лучше.

И он смотрит на меня своим фирменным взглядом, с выражением такой трудной любви в голубых глазах.

– Хорошо, – отвечаю я.

– Десять лет назад я бы отправил тебя в какое-нибудь исправительное заведение, – говорит он, а я моргаю.

Я почти чувствую физическую боль, но ведь я сам о таком подумывал.

– Теперь, как мне кажется, я понимаю жизнь. Я знаю, кто ты такой, и я знаю, что ты хороший парень.

– Нет, – возражаю я.

Получается как-то тихо и слабо, но Гарри слышит.

– Да, – твердо говорит он. – Ты хороший парень, Декс, я знаю. Я знаю, – почти шепчет он, может быть, для лучшего эффекта, потом смотрит прямо мне в глаза. – Иначе тебе было бы все равно, что думаю я и что думает мама. Ты бы просто делал что хочешь. Ты не можешь без этого, я понимаю. Потому что... – Он на мгновение останавливается, глядя на меня, и от этого я чувствую себя очень неловко. – Что ты помнишь о том, что было раньше? Ты понимаешь, о чем я. До того, как мы тебя взяли.

Тема до сих пор для меня болезненная, даже не знаю почему. Мне было всего четыре.

– Ничего.

– Хорошо, – продолжает Гарри. – Такое лучше не помнить. – До конца жизни он никогда не скажет больше, чем сказал в тот раз. – Но даже если ты не помнишь, Декс, это повлияло на тебя. Потому ты такой, какой ты есть.

И самое странное – он улыбается своей легкой, почти смущенной улыбкой.

– Я ожидал чего-то такого. То, что с тобой произошло, когда ты был совсем малышом, повлияло на тебя. Мы пытались исправить, но... – Он пожал плечами. – Оно оказалось сильнее, намного сильнее. Оно добралось до тебя слишком рано и так и останется с тобой. Будет подталкивать к убийству. И ничего с этим не сделаешь. Тебе не уйти. Но... – произносит он и снова смотрит вдаль. – Но ты можешь им управлять.

Контролировать. Выбирать... – Слова подобраны с невероятной тщательностью. – Выбирать, кого... – И улыбнулся такой улыбкой, которой я у него никогда не видел, такой холодной и сухой, как пепел погасшего костра. – Есть много людей, которые заслуживают этого, Декс...

Несколькими скупыми словами он придал форму всей моей жизни, всему во мне существующему, тому, что я есть и кто я есть. Чудный, всевидящий и всезнающий человек. Гарри. Мой папа.

Если бы только я был способен на любовь, как бы я любил Гарри.

Гарри давно уже умер. Но его уроки продолжают жить. Не из каких-то теплых и сентиментальных чувств и эмоций. Просто он был прав. Я находил этому все новые и новые доказательства. Гарри знал, и Гарри хорошо меня выучил.

«Будь осторожен», – говорил Гарри. Он учил меня осторожности так, как только коп может научить убийцу.

Учил выбирать тех, кто заслуживает смерти. Учил убирать за собой. Учил не оставлять следов. Учил избегать эмоциональных проявлений: они приводят к ошибкам.

Конечно, осторожность распространялась далеко за пределы только убийства. Быть осторожным также означало создание себе обыденной личины. Структурируй. Будь коммуникабельным. Имитируй жизнь.

Все это я выполнял, очень тщательно выполнял. Я стал почти совершенной голограммой. Вне подозрений, без упре-

ка, выше позора. Аккуратный и вежливый монстр, соседний парнишка. Даже Дебору я всегда дурачил, по крайней мере отчасти. Конечно, она верит в то, во что хочет верить.

И именно сейчас она верит в то, что я могу помочь ей раскопать эти убийства и одним прыжком начать новую карьеру. Что я катапульта, которая перенесет ее из сексуально-го голливудского наряда в костюм деловой леди. И конечно, Деб права. Я способен ей помочь. Но я не совсем хотел ей помогать – приятно видеть хорошую работу другого убийцы, я испытывал какую-то эстетическую связь или...

Эмоциональную вовлеченность.

Ну! Вот оно. Несомненно, я нарушал Кодекс Гарри.

Я повернул катер назад, в сторону канала. Уже полностью стемнело, но я ориентировался на огни радиовышки в нескольких градусах левее того места, куда направлялся.

Гарри всегда был прав, и сейчас он тоже прав. «Никогда не связывайся с эмоциональными делами», – говаривал Гарри.

Я помогу Деб.

Глава 5

Наутро шел дождь. На дорогах ужасные пробки, так всегда бывает в Майами, когда идет дождь. Некоторые водители снижали скорость на скользкой дороге. Это вызывало негодование остальных, и они, не переставая, сигналили, орали из опущенных окон, обгоняли по обочине, яростно виляли в хвосте этих медлительных болванов и грозили им кулаками.

На эстакаде Лежен огромный грузовик с молоком вынесло на правую полосу, и он задел автобус католической школы. Грузовик перевернулся, и теперь пятеро девчушек в клетчатых шерстяных юбках с оцепенелым выражением на лице сидели в огромной луже молока. Движение на целый час почти остановилось. Одну из девочек уже отправили на вертолете в больницу Джексона. Остальные по-прежнему сидели в молоке и смотрели, как взрослые орут друг на друга.

Я постепенно продвигался вперед, слушая радио. Оказалось, что полиция идет по горячим следам тампамского мясника. Никаких деталей не сообщалось, но капитан Мэттьюс был в ударе. Он озвучил ситуацию так, будто лично произведет арест, как только допьет кофе.

Наконец я съехал с эстакады, однако скорость потока машин увеличилась не намного. Недалеко от аэропорта я остановился у пирожковой, купил оладий с яблоками и пончик, причем оладьи закончились еще до того, как я дошел до ма-

шины. У меня очень быстрый обмен веществ. Это оттого, что я веду правильный образ жизни.

К тому времени, когда я добрался до работы, дождь затих. Ярко светило солнце, над тротуаром поднимался пар. Я сверкнул пропуском и поднялся наверх.

Деб уже ждала меня.

Сегодня она не выглядела счастливой. Конечно, она вообще не выглядит счастливой так часто, как раньше. Она ведь коп, а большинство копов не умеют притворяться. Слишком много времени они проводят на работе, когда не надо выглядеть человечно. Поэтому их лица каменеют.

– Деб, – сказал я, поставив хрустящий белый пакет из пирожковой на стол.

– Где ты был ночью? – спросила она.

Очень мрачно, как я и ожидал. Скоро морщинки, которые пока видны, только когда она хмурится, станут постоянными и испортят прекрасное лицо: глаза глубокого голубого цвета, светящиеся рассудком, маленький вздернутый носик с кучкой веснушек в обрамлении черных волос. Чудесные черты, в настоящий момент покрытые семью фунтами дешевой косметики.

Я посмотрел на нее с нежностью. Она явно вернулась с работы: кружевной лифчик, ярко-розовые шорты из спандекса и золотистые туфли на высоком каблуке.

– Не важно, – отвечаю я. – Вот где ты была?

Покраснела. Она ведь ненавидит любую одежду, кроме

чистых отглаженных синих джинсов.

– Я пыталась дозвониться до тебя.

– Извини.

– Ничего.

Я сел в кресло, не говоря ни слова. Деб любит разряжаться на мне. Для того и предназначена семья.

– Почему тебе так нужно было со мной поговорить?

– Меня оттирают.

Она открыла пакет и заглянула внутрь.

– А чего ты ожидала? Ты знаешь, как к тебе относится Лагуэрта.

Деб достала из пакета пончик и свирепо впиалась в него.

– Я ожидаю, что буду в деле, как сказал капитан, – произнесла она с полным ртом.

– У тебя нет понятия о субординации. А также политического чутья.

Она скомкала пакет и швырнула в меня. Мимо.

– Черт возьми, Декстер! Ты прекрасно знаешь, что я заслуживаю работы в отделе убийств. Вместо, – она щелкнула бретелькой от лифчика и провела рукой по своему скудному одеянию, – всего этого дерьма.

Я кивнул:

– Хотя на тебе это смотрится классно.

Она сделала ужасное лицо:

– Ненавижу!.. Клянусь, не могу больше этим заниматься, иначе свихнусь!

– Деб, для меня еще рановато делать какие-либо выводы.
– Хреново, – был ее ответ.

Что ни говори о работе полицейского, она явно уничтожает словарный запас Деборы. Она одарила меня холодным, крутым взглядом копа, первый раз за ней замечаю. Взгляд Гарри, те же глаза, то же чувство, как будто тебя прошивают насквозь, до самой последней истины.

– Не носи ерунды, Декс! Тебе стоит только глянуть на труп – и ты уже знаешь, кто это сделал. Я никогда не спрашивала, как это у тебя получается, но если у тебя есть хоть какая-то зацепка, то выкладывай! – Она свирепо пнула ногой по моему столу, оставив вмятину на металлической боковине. – Черт возьми, я хочу выбраться из этого идиотского наряда!

– И мы все не прочь увидеть это, Морган, – раздался глубокий жуликоватый голос.

Я поднял глаза. Нам улыбался Винс Масука.

– Ты бы тогда не знал, что делать, Винс, – ответила ему Деб.

Он улыбнулся еще шире своей открытой фальшивой улыбкой из учебника.

– Почему бы нам не попробовать?

– Мечтай, мечтай, Винс, – сказала Дебби, неожиданно надув губки, чего я не замечал за ней лет с двенадцати.

Винс кивнул на смятый бумажный пакет на столе:

– Сегодня была твоя очередь, дружище. Что ты мне принес?

– Извини, Винс, – сказал я. – Дебби съела твой пончик.

– Надеюсь, я смогу когда-нибудь съесть ее рулет с джемом.

Ты должен мне большой пончик, Декс, – произнес Винс, хитро глядя на нас.

– Самый большой за всю твою жизнь, – съязвила Дебора.

– Дело не в размере пончика, дело в мастерстве пекаря, – парировал Винс.

– Прошу вас, – вмешался я. – Вы вывихнете себе мозги.

Вам не идет так умничать.

– А-ха, – сказал Винс со своим ужасно фальшивым смешком. – А-ха-ха-ха. Увидимся, – подмигнул он. – Не забудь мой пончик.

И двинулся по залу в сторону своего микроскопа.

– Так что же ты все-таки выяснил, Декс? – спросила Деб.

Деб считает, что меня постоянно посещают всплески интуиции. У нее есть на то основания. Обычно мои вдохновенные догадки касались жестоких подонков, которые каждые несколько недель от нечего делать нападали на бестолковых растяп. Несколько раз Дебора оказывалась свидетелем того, как мне удавалось раскопать то, что больше никому не приходило в голову. Она никогда ничего не говорила по этому поводу, но моя сестра – чертовски хороший коп, так что она довольно долго в чем-то меня подозревает. Деб не знает, в чем именно, но чувствует, что здесь что-то не так, и это ее страшно беспокоит, ведь она, как ни крути, все-таки любит меня. Она последнее живое существо, которое любит меня.

Это не жалость к самому себе, это самое холодное и самое чистое самопознание.

Я не вызываю симпатии. Следуя плану Гарри, я пытался завязать отношения с другими людьми, даже – случались и такие глупые моменты – любовь. Ничего не срабатывало. Что-то во мне сломано или напрочь отсутствует, поэтому рано или поздно кто-то замечает мое актерство, а то наступает одна из тех ночей.

Я даже не могу завести какого-нибудь зверя, они ненавидят меня. Как-то я купил собаку. В безостановочной и безумной ярости она два дня выла и лаяла на меня, пока я не избавился от нее. Я попробовал черепаху. Всего раз дотронулся до нее, и она так больше и не высунулась из своего панциря – умерла через несколько дней. Чтобы не видеть меня и чтобы я ее не трогал, она предпочла умереть.

Никто больше меня не любит и не полюбит. Причем не «даже», а «именно» меня. Я знаю, кто я есть и что я не тот, кого можно любить. Я один в этом мире, совсем один, если бы не Дебора. Да того самого Нечто внутри меня, которое не так уж часто выходит наружу, чтобы поиграть. Впрочем, на самом деле оно играет не со мной, ему всегда нужен кто-то еще.

И насколько я способен, я забочусь о ней, о моей дорогой Деборе. Возможно, это и не любовь, но я бы хотел видеть ее счастливой.

И вот она сидит передо мной, моя дорогая Дебора, и вы-

глядит несчастной. Моя семья. Смотрит на меня, не зная, что сказать, но с каждым разом она все ближе и ближе к тому, чтобы произнести это.

– Ну, – говорю я. – На самом деле...

– Я знала! У тебя *что-то есть*.

– Не мешай моему трансу, Дебора. Я в контакте с царством духов.

– Давай говори! – Ей не терпится.

– Он не до конца расчленил левую ногу, Деб...

– То есть?

– Лагуэрта считает, что убийцу обнаружили. Тот занервничал и не закончил дело.

Дебора кивнула:

– Она велела мне расспросить проституток, не видели ли они чего-нибудь прошлой ночью. Кто-то ведь должен был что-то видеть.

– И ты туда же! Думай, Дебора. Если его прервали... испугали и он не закончил дело...

– Мешки! – выпалила она. – Он все равно затратил много времени на упаковку трупа в мешки, на уборку. – Дебора удивилась. – Черт! После того как его прервали?

Я похлопал в ладоши и одобрительно посмотрел на нее:

– Браво, мисс Марпл!

– Тогда в этом нет никакого смысла.

– *Au contraire*¹³. Если времени полно, но ритуал не завер-

¹³ Напротив, наоборот (*фр.*).

шен должным образом – и запомни, Деб, ритуал – это почти все! – в чем тогда дело?

– Ради бога, почему ты не можешь просто сказать? – отрывисто произнесла она.

– Так неинтересно.

Тяжелый вздох.

– Черт побери! Хорошо, Декс. Если его не прервали, но он и не закончил, черт!.. Упаковать важнее, чем расчленить?

Я посмотрел на нее с жалостью:

– Нет, Деб. Думай. Это уже пятый такой случай. Четыре левые ноги разрезаны безукоризненно. И вот – номер пять... – Я пожал плечами и поднял бровь.

– А, черт, Декстер! Откуда мне знать? Может, ему и нужно было всего четыре ноги. Может... Не знаю, клянусь Богом! Что?

Я улыбнулся и покачал головой. Для меня все было так понятно.

– Кайф сломался, Деб. Что-то пошло не так. Не сработало. Какого-то изначально магического фрагмента, от которого все зависит, не оказалось на месте.

– И я должна была до этого додуматься?

– Кто-то ведь должен додуматься?.. И вот он кое-как доводит дело до конца в расчете на вдохновение, а его нет!

Она нахмурилась:

– То есть он остановился. И больше не будет этого делать?

– О боже, Деб! – рассмеялся я. – Как раз наоборот. Если

ты священник и искренне веришь в Бога, но не можешь найти нужный способ служить ему, что ты сделаешь?

– Буду стараться, – ответила она, глядя на меня. – Пока не узнаю, как надо... Иисусе! Ты это имеешь в виду? Скоро он снова?..

– Всего лишь подозрение, – сдержанно ответил я. – Я могу и ошибаться.

Но я-то уверен, что не ошибаюсь.

– Мы должны так устроить, чтобы поймать его по горячим следам. А не искать несуществующего свидетеля. – Деб встала и направилась к двери. – Я позвоню позже. Пока.

Я заглянул в белый бумажный пакет. Внутри было пусто. Прямо как я: чистый и свежий снаружи и пустой внутри.

Я сложил пакет и бросил его в корзину для бумаг. Нынче мне предстояла работа, настоящая официальная работа полицейского эксперта. Нужно было напечатать длинный отчет, рассортировать сопровождающие его фотографии, систематизировать улики. Рутинное дело, двойное убийство, которое, скорее всего, так никогда и не дойдет до суда. Но я люблю, чтобы все, чего бы я ни касался, было хорошо организовано.

К тому же дело интересное. Очень трудно было разобраться со следами крови: брызги артериальной – от двух жертв, которые перед смертью, несомненно, двигались, веера красных капель, отброшенных электропилой; отличить поврежденное место от неповрежденного практически невозможно.

но. Мне пришлось извести две бутылки люминола, который помогает обнаружить мельчайшие следы крови, страшно дорогого – по двенадцать долларов за бутылку.

На самом деле, чтобы определить углы разлета брызг крови, мне пришлось натянуть по комнате нитки – древняя техника, сегодня уже воспринимается как алхимия. Брызги крови были поразительно отчетливыми: яркие, дикие и смертельные, они покрывали стены, мебель, телевизор, полотенца, простыни, занавески – жуткий апофеоз летящей крови. Думаю, даже в Майами кто-то должен был это слышать. Двух человек живьем кромсают электропилой в элегантном и дорогом номере отеля, а соседи только прибавляют звук в телевизорах.

Вы можете сказать, что дорогой наш усердный Декстер слишком увлекается своей работой, но я люблю основательность, я хочу знать, где прячется самая последняя капля крови. Профессиональные основания для этого очевидны, однако они не так важны, как личные. Быть может, однажды психиатр из государственной исправительной системы поможет мне выяснить, почему именно.

К тому времени, когда мы попали на место преступления, обрубки тел были уже холодными, и нам, наверное, никогда не найти парня в итальянских мокалинах ручной работы седьмого размера. Правшу, с некоторым излишком веса и потрясающим ударом слева.

Однако я сделал все правильно и с пользой. Я выполняю

свою работу не для того, чтобы ловить плохих парней. Зачем мне это? Нет, я выполняю свою работу, чтобы превращать хаос в порядок. Заставляю непослушные следы крови вести себя как следует, а потом ухожу. Другие могут пользоваться моей работой для поимки преступников; мне все равно, но не в том дело.

И если когда-либо я окажусь настолько неосторожным, что меня поймают, обо мне скажут, что я монстр-социопат, больной и извращенный демон, которого и человеком-то назвать нельзя, и отправят меня, скорее всего, умирать на старом добром электрическом стуле – в самодовольном благочестивом зареве. Если когда-нибудь поймают этого парня в мокалинах седьмого размера, то скажут, что он был плохим человеком, который пошел по кривой дорожке из-за социальных сил, и, поскольку так неудачно им сопротивлялся, его посадят в тюрьму на десять лет, а потом выпустят, и денег у него будет достаточно на костюм и новую пилу.

В конце каждого рабочего дня я понимаю Гарри еще немного лучше.

Глава 6

Пятница. Вечер. Пятница в Майами – вечер свиданий. Верите или нет, но для Декстера это тоже Вечер Свидания. Как ни странно, я тоже кое-кого нашел. Что-что? Глубоко мертвый Декстер назначает свидание девкам-дебютанткам? Секс среди живых? Неужели моя потребность в имитации жизни зашла так далеко, чтобы фальсифицировать оргазмы?

Дышите спокойно. Секс тут ни при чем. После многих лет чудовищных проб и ошибок, застенчивых попыток выглядеть нормальным я наконец подцепил того, кто мне нужен.

В жизни Рите досталось почти столько же, сколько и мне. Слишком молодой вышла замуж, десять лет пыталась сделать так, чтобы брак заработал, но заработала только двоих детей. У ее очаровательного друга было несколько легких проблем. Сначала алкоголь, потом героин, верите или нет, и наконец, крэк. Скотина, он избивал ее. Ломал мебель, орал, выбрасывал вещи из окна, угрожал. Насиловал ее. Заражал жуткими наркоманскими болезнями. И все это на регулярной основе, а Рита терпела, работала, дважды вытаскивала его с того света. А потом он начал преследовать детей, и Рита наконец решила: хватит.

Конечно, теперь ее лицо зажило, а сломанные руки и ребра – рутинное дело для всех травматологов Майами. Сейчас Рита вполне презентабельна, прямо то, что монстр заказал.

Развод был окончательным, скотину посадили. И что же дальше? О эти тайны человеческого разума! Как-то, почему-то милая Рита решила снова с кем-нибудь познакомиться. Она была абсолютно уверена, что поступает правильно, но в результате частых побоев, которые ей наносил любимый, бедняжка полностью потеряла интерес к сексу. Так, если только какая-нибудь мужская компания время от времени.

И она искала того самого, правильного парня: чувственного, нежного и готового ждать. Разумеется, поиск был долгим. И нужен-то ей был этакий воображаемый мужчина, которому важнее поговорить или сходить в кино, чем заняться сексом, – для *этого* она была просто не готова.

Я сказал «воображаемый»? Ну конечно. У реальных мужчин таких свойств нет. Большинство женщин, у кого за плечами двое детей и один развод, знают об этом отлично. Чтобы выучить сей бесценный урок, бедняжке Рите надо было выйти замуж слишком рано и слишком неудачно. И в качестве побочного продукта ее реанимации от ужасного замужества, вместо того чтобы осознать, что все мужики – звери, она нарисовала себе милый романтический портрет совершенного джентльмена, готового бесконечно ждать, пока она, как нежный цветок, постепенно не раскроется.

Вот так. Seriously. Допускаю, что такого мужчину и можно было найти в викторианской Англии с публичными домами на каждом углу, где в перерывах между цветистыми тор-

жественными тирадами о любви он мог выпустить пар. Но насколько я знаю, не сейчас, не в двадцать первом веке и не в Майами.

И все же я прекрасно имитирую все эти штуки. Нет, правда, мне на самом деле даже нравится. К сексуальным отношениям интерес у меня отсутствует. Мне нужна маскировка, а для этой цели Рита подходит идеально.

Как я уже сказал, она вполне презентабельна. Небольшого роста, изящная и дерзкая, стройная атлетическая фигура, светлые волосы и голубые глаза. Она фанат фитнеса, все свободное время проводит в беге, езде на велосипеде и тому подобное. На самом деле попотеть – одно из ее любимых занятий. Мне приходилось проезжать с ней на велосипеде весь парк Эверглейдс, бегать по пять миль и даже тягать железо в тренажерном зале.

Но лучшее из всего – это ее двое детишек. Астор восемь лет, Коди – пять, оба очень тихие ребята. А как же иначе? Дети, родители которых так часто пытались убить друг друга с помощью разных предметов обстановки, должны быть немного замкнутыми. Все дети, выросшие в зоне ужаса, такие. Но они могут воспитываться и вне этой зоны, в конце концов, посмотрите на меня. Ребенком я перенес массу безымянных и безвестных ужасов, и тем не менее вот он я: полезный гражданин, опора общества.

Может быть, этим частично и объясняется моя странная любовь к Коди и Астор. Они мне и правда нравятся, и сей

факт кажется нелогичным. Мне прекрасно известно, что я собой представляю, я многое в себе понимаю. Однако одна из черт моего характера, которая действительно меня озадачивает, – это отношение к детям.

Я их люблю.

Они важны для меня. Небезразличны.

И я в самом деле не могу этого понять. Мне действительно наплевать, если вдруг все существа во Вселенной неожиданно испустят последний вздох, может быть, только за исключением меня самого и, наверное, Деборы. Остальные люди представляют для меня еще меньший интерес, чем садовая мебель. Как красиво говорят психиатры, у меня напрочь отсутствует чувство реальности по отношению к другим. И сия истина меня как-то совсем не тяготит.

Но дети... дети – это другое.

Я «встречаюсь» с Ритой уже почти полтора года, и за это время я постепенно завоевал расположение Астор и Коди. Я всегда веду себя спокойно. Не причиняю им никаких неприятностей. Помню их дни рождения, дни, когда надо подписывать дневники, праздники. Я прихожу к ним домой, и они уверены, что с ними ничего не случится. Мне можно верить.

Звучит иронично. Хотя так оно и есть.

Я единственный мужчина, которому они могут верить. Рита думает, что это часть процесса продолжительного и постепенного ухаживания. Докажи ей, что дети любят тебя, и кто знает?.. Но на самом деле они значат для меня намного

больше, чем она сама. Надеюсь, что еще не поздно: я бы не хотел видеть, что они растут похожими на меня.

Дверь открыла Астор. Свисающая до колен футболка с надписью «Озорники» ей явно велика. Рыжие волосы убраны в два поросячьих хвостика, а на спокойном детском лице вообще никакого выражения.

– Привет, Декстер, – так же без эмоций произнесла она.

Два слова для нее – уже длинный разговор.

– Добрый вечер, прекрасная юная леди, – сказал я голосом лорда Маунтбеттена. – Позвольте заметить, что вы прекрасно выглядите сегодня вечером.

– О'кей, – ответила она, придерживая дверь. – Он здесь, – сообщила она через плечо в темноту комнаты.

Я зашел внутрь. Коди стоял прямо у нее за спиной, как будто страхуя – на всякий случай.

– Коди, – сказал я и протянул ему упаковку вафель «Некко».

Он принял ее, не отводя от меня глаз, и опустил руку со сладостями, даже не взглянув на них. Он откроет упаковку только после того, как я уйду, поделит пополам с сестрой.

– Декстер? – крикнула Рита из соседней комнаты.

– Я. Ты когда-нибудь научишь детей манерам?

– Нет, – тихо ответил Коди.

Шутка. Я уставился на него. Что дальше? Может быть, в один прекрасный день он запоет? Будет танцевать чечетку на улице? Обратится в национальный комитет Демократиче-

ский партии?

Поправляя серьгу в виде обруча, влетела Рита. Вид у нее довольно провоцирующий. Практически невесомое светло-голубое шелковое платье до середины бедра и, конечно, ее лучшие кроссовки. Я раньше никогда не встречал, да и не слышал вовсе, чтобы женщина надевала на свидание удобную обувь. Очаровательное создание.

– Привет, красавчик! – крикнула Рита. – Я сейчас поговорю с няней, и мы уходим.

Она пошла в кухню, откуда было слышно, как она инструктирует соседскую девушку, которая время от времени оставалась с детьми. Время сна. Домашняя работа. Телевизор – что можно, что нельзя. Номер сотового. Номер службы спасения. Что делать при случайном отравлении или обезглавливании.

Коди и Астор все еще смотрели на меня.

– Вы идете в кино? – спросила Астор.

Я кивнул:

– Если только найдем такой фильм, чтобы не стошнило.

– Фу, – сказала она и скорчила такую кислую гримаску, что я понял: попал в точку.

– Тебя тошнит в кино? – Это уже Коди.

– Коди, – укоризненно произнесла Астор.

– Правда тошнит? – настаивал он.

– Нет, – ответил я. – Но иногда хотелось бы.

– Пошли, – сказала Рита, чмокнув каждого в щечку. –

Слушайте Алису. В девять часов – в постель.

– Ты вернешься? – спросил Коди.

– Коди!.. Конечно вернусь, – ответила Рита.

– Я имею в виду Декстера.

– Ты уже будешь спать. Но я помашу тебе, ладно? – пообещал я.

– Я не буду спать, – хмуро ответил он.

– Тогда я останусь, и мы поиграем в карты.

– Правда?

– Чтоб мне провалиться! В покер с крупными ставками.

Победителю достаются все лошади.

– Декстер! – Рита слегка раздражена, но продолжает улыбаться. – Ты будешь спать, Коди. Все, спокойной ночи, дети. Ведите себя хорошо.

Она берет меня под руку, и мы выходим.

– Слушай, – мурлычет она, – да ты просто приручил эту парочку.

Фильм оказался так себе. Не то чтобы меня действительно тошнило, но я практически забыл, о чем он, как только мы остановились, чтобы выпить в небольшом заведении в Саут-Биче. Идея Риты. Несмотря на то что бóльшую часть жизни она провела в Майами, Саут-Бич казался ей верхом гламура. Может, из-за обилия народа на роликовых коньках? Или она считает, что любое место с таким количеством народа с плохими манерами *должно* быть гламурным?

Так или иначе, мы прождали двадцать минут, пока не

освободится столик, и еще двадцать, пока нас не обслужили. Мне, в общем-то, все равно. Я получал удовольствие, наблюдая за добропорядочными идиотами, поглядывающими друг на друга. Классный спорт для любителя понаблюдать.

Потом мы прогулялись по бульвару Оушен, болтая ни о чем – искусство, в котором мне нет равных. Чудный вечер. Кто-то отгрыз угол от лунного диска, если сравнивать с той луной, которая светила, когда я развлекал отца Донована.

Возвращаясь после нашего стандартного вечернего выхода в Южный Майами, где жила Рита, мы проезжали перекресток в менее престижном районе Коконат-Гроув. Красная мигалка привлекла внимание, и я повернулся в ту сторону. Преступление: уже натянута желтая лента, несколько патрульных машин сгруппировались на перекрестке.

Снова он, подумал я и еще до того, как осознал, что делаю, развернул машину в ту сторону.

– Куда мы едем? – задала Рита совершенно разумный вопрос.

– Так, надо проверить, не нужен ли я им, – ответил я.

– У тебя разве нет пейджера?

– Они не всегда понимают, что им без меня не обойтись.

Я одарил ее своей лучшей пятничной улыбкой.

Так или иначе, туда стоит заехать, чтобы продемонстрировать Риту. Сама идея маскировки в том, чтобы тебя с ней увидели. Но, по правде, тонкий настойчивый голосок так и вопил мне в ухо, чтобы я обязательно остановился. *Это сно-*

ва он. И я должен видеть, на что он оказался способен на сей раз. Я оставил Риту в машине и поспешил к месту.

Ни на что хорошее этот негодяй не оказался способен. Та же груда аккуратно упакованных частей тела. Эйнджел-не-родственник стоял над ними почти в такой же позе, в какой я оставил его на месте предпоследней находки.

– *Ni jo de puta*¹⁴, – произнес он, когда я приблизился.

– Надеюсь, ты не обо мне?

– Все, кроме тебя, плачутся, что приходится работать в пятницу вечером. А ты появляешься здесь с девушкой. И тем не менее для тебя работы так и нет.

– Тот же парень, тот же шаблон?

– Да, – ответил он, приоткрывая карандашом пластиковый мешок. – Опять сухая кость. Ни капли крови.

Его слова вызвали у меня легкое головокружение. Я заглянул в мешок. И снова части тела были удивительно чистыми и сухими. Они даже имели голубоватый оттенок, будто законсервированы на отведенный им момент времени. Прекрасно.

– Разрезы несколько отличаются, – заметил Эйнджел. – В четырех местах, – показал он. – Здесь очень грубо, почти эмоционально. Здесь уже не так. Здесь и здесь. А?

– Очень мило, – отреагировал я.

– А теперь смотри сюда.

Карандашом он сдвинул в сторону обескровленный обру-

¹⁴ Сукин сын (*исп.*).

бок. Под ним белел другой фрагмент. Плоть с него была аккуратнейшим образом удалена по всей длине кости.

– Зачем бы ему так делать? – тихо спросил Эйнджел.

Я вздохнул:

– Он экспериментирует. Пытается найти идеал. – И я уставился на аккуратный и сухой разрез, пока не осознал, что Эйнджел смотрит на меня уже довольно долго.

– Как будто ребенок играет с едой, – так я описал картину Рите, после того как вернулся к машине.

– О боже! Ужасно, – только и смогла сказать она.

– Я думаю, правильный термин здесь – *противно*.

– Как ты можешь шутить, Декстер?

Я успокаивающе улыбнулся:

– К таким вещам привыкаешь. Работа... Мы все шутим, чтобы скрыть боль.

– О господи! Надеюсь, этого маньяка скоро поймают.

А я думал об аккуратно сложенных частях человеческого тела, разнообразии разрезов и восхитительном отсутствии крови.

– Не думаю, что очень скоро, – ответил я.

– Что ты сказал?

– Я говорю, не думаю, что это будет скоро. Убийца исключительно умен, а детективу, ведущему дело, интереснее играть в политику, чем раскрывать убийства.

Рита посмотрела на меня, как бы желая понять, не шучу ли я. Потом некоторое время, пока мы выезжали на феде-

ральное шоссе 1, сидела молча. Она не произнесла ни слова, пока мы не въехали в Южный Майами.

– Я никогда не смогла бы привыкнуть видеть... Не знаю, как сказать... изнанку? Вещи, как они есть? В общем, так, как это видишь ты, – наконец сформулировала она.

Она застала меня врасплох. Я воспользовался тишиной, чтобы еще раз вспомнить аккуратно уложенные части тела, которые только что видел. Мысли с жадностью кружились над чисто и без крови разделенными конечностями, как орел в поисках дичи. Замечание Риты оказалось настолько неожиданным, что с минуту я даже не мог ничего сказать.

– Что ты имеешь в виду? – наконец удалось мне произнести.

Она нахмурилась:

– Я... я не совсем уверена. Просто... мы все полагаем, что существует... какой-то определенный порядок вещей, то есть как все должно быть. А на самом деле все наоборот... Не знаю... Более темное? Более приземленное? Что-то вроде этого. Конечно, я думаю, что детектив хочет поймать убийцу. Разве не этим должны заниматься детективы? И раньше мне в голову не могло прийти, что вокруг убийства может быть что-то политическое.

– Практически все, – сказал я, поворачивая на улицу Риты и замедляя ход перед ее чистеньким, неприметным домом.

– Но ты... – продолжала она, не замечая ни где мы находимся, ни что я только что сказал. – Вот где твое начало.

Большинству людей не дано видеть так глубоко, как тебе.

– Я не настолько глубокая личность, Рита, – резко остановив машину, ответил я.

– То есть на самом деле все имеет два лица: одно – когда мы притворяемся, и другое – когда на самом деле? А тебе уже все известно, и для тебя это просто игра.

Понятия не имею, что она пыталась сказать. По правде, пока она говорила, я бросил все попытки что-либо понять и мысленно вернулся к сцене последнего убийства. Чистота плоти, качество разрезов, безукоризненная чистота, без единого пятнышка, и полное отсутствие крови...

– Декстер! – Рита положила мне на плечо руку.

Я поцеловал Риту.

Не знаю, кто из нас больше удивился. На самом деле я и не думал приступать к этому раньше времени. И духи ее здесь совершенно ни при чем. Я довольно надолго прижался губами к ее губам.

Она отстранилась.

– Нет. Я... Нет, Декстер.

– Хорошо, – ответил я, все еще потрясенный тем, что сделал.

– Не думаю, что я хочу... Я не готова... Черт, Декстер! – Рита отстегнула ремень безопасности, открыла дверь машины и побежала в дом.

О боже! – подумал я. И что это я, скажите на милость, сделал?

Знаю, что еще долго буду удивляться, может быть, даже почувствую разочарование оттого, что только что уничтожил свою маскировку – после почти двух лет идеальной эксплуатации!

Но все, о чем я сейчас могу думать, – это опрятная кучка частей человеческого тела.

Никакой крови.

Ни капли.

Глава 7

Тело растянуто именно так, как я люблю. Руки и ноги привязаны, рот заклеен клейкой лентой: в рабочей зоне не будет ни шума, ни движения. Моя рука твердо держит нож, и я совершенно уверен, что в этот раз все будет хорошо, я получу огромное удовлетворение...

Только это не нож, а что-то вроде...

И рука не моя. Хотя моя рука двигается вместе с этой, лезвие лежит не в моей руке. И комната маленькая, такая узкая, что смысл появляется только тогда, когда понимаешь, что это не комната, а... что?

А вот и я парю над этим безукоризненным, хотя и ограниченным рабочим пространством, над этим соблазнительным телом. Чувствую холодное дуновение вокруг себя и каким-то образом даже сквозь себя. Если бы я мог чувствовать свои зубы, уверен, что они бы стучали. И моя рука в унисоне с той, другой рукой поднимается и мягкой дугой опускается для безупречного рассечения...

Конечно, я просыпаюсь в своей квартире. Почему-то стоя у входной двери, совершенно голый. Могу еще понять, когда ходят во сне, но раздеваться во сне? Спотыкаясь, я возвращаюсь к небольшой кровати на колесиках. Скомканное постельное белье лежит на полу. Кондиционер понизил температуру почти до шестидесяти градусов. Это было уместно

вчера, чтобы слегка охладиться после того, что произошло между мной и Ритой.

Абсурд! Как такое вообще могло случиться? Декстер, бандит-любовник, ворующий поцелуи. После возвращения домой я долго стоял под горячим душем и, прежде чем забраться в постель, повернул термостат на минимум. В самые темные моменты жизни мне кажется, что холод очищает. Не стану притворяться, будто понимаю почему.

А было холодно. Даже сейчас, все еще среди последних ключевых ночного сна, слишком холодно для кофе и начала нового дня.

Как правило, я не запоминаю сны, а если все же они остаются в памяти, не придаю им значения. Поэтому так нелепо, что этот сон все еще со мной.

Я парю над безукоризненным, хотя и ограниченным рабочим пространством – моя рука в унисоне с той, другой рукой поднимается и мягкой дугой опускается для безупречного рассечения...

Я читал книги. Мне никогда не стать человеком. Может быть, поэтому люди всегда интересовали меня. Благодаря этому я понимаю весь символизм: парение – одна из форм полета, означающая секс. А нож...

Ja, herr Doktor. Нож – это означает Mutter, ja?

Хватит, Декстер! Глупый, бессмысленный сон.

Зазвонил телефон, и я почти выпрыгнул из своей шкуры. – Как насчет завтрака в «Уолфи»? – Это была Дебора. –

Я плачу.

– Сейчас субботнее утро, – ответил я. – Нам туда никак не попасть.

– Я приеду раньше тебя и займу столик. Встретимся там. Ресторанчик «Уолфи» в Майами-Бич – это традиция Майами. А поскольку Морганы – семья из Майами, мы всю жизнь ели там по всяким особым случаям. Почему Дебора решила, что сегодня один из них, выше моего понимания. Наверняка она в свое время прольет на это свет. Так что я принял душ, оделся в лучший субботний повседневный костюм и поехал в сторону побережья. Транспорта на новом перестроенном мосту Макартура было немного, и вскоре я уже вежливо проталкивался сквозь плотную толпу возле «Уолфи».

Верная слову, Дебора застолбила угловой столик. Она болтала с древней официанткой, женщиной, которую узнал бы даже я.

– Роза, любовь моя. – Я наклонился поцеловать ее морщинистую щеку, и Роза посмотрела на меня своим вечно хмурым взглядом. – Моя дикая ирландская Роза.

– Декстер, – проскрежетала она с сильным среднеевропейским акцентом. – Хорош целоваться, как какой-то faigelah.

– Faigelah? Это, наверное, «жених» по-ирландски? – спросил я, садясь в кресло.

– Feh¹⁵, – кивнув, ответила она и направилась в сторону

¹⁵ Междометие, выражающее неудовольствие, «фу» (*идиши*).

кухни.

– По-моему, я ей нравлюсь, – сказал я Деборе.

– Кому-то ты должен нравиться. Как твоё свидание вчера?

– Отлично. Ты не хочешь как-нибудь попробовать?

– Feh, – ответила Дебора.

– Нельзя все ночи напролет торчать в нижнем белье на Тамиами-Трейл, Деб. Должна же у тебя быть своя жизнь.

– Мне нужно перевестись! – прорычала она. – В отдел убийств. А тогда подумаем насчет жизни.

– Понимаю. Конечно, малышам будет ловчее отвечать, что их мамочка работает в убийном отделе.

– Декстер, ради бога!

– А что, Дебора, естественная мысль. Племянники и племянницы. Еще несколько маленьких Морганов. Почему бы и нет? Так ведь говорила мама?

Деб сделала глубокий вдох и медленный выдох. Ее секретный способ восстановления контроля.

– Мамы давно уже нет, – произнесла она.

– Я общаюсь с ней по своим каналам.

– Ну тогда смени канал. Что ты знаешь о кристаллизации клеток?

Я обалдел.

– Ух ты! Ты только что выиграла чемпионат по смене темы разговора.

– Я серьезно.

– Тогда я правда на лопатках, Деб. Что ты имеешь в виду

под кристаллизацией клеток?

– От холода. Клетки кристаллизуются под воздействием холода.

Свет вспыхнул у меня в голове.

– Конечно, – отвечаю я. – Прекрасно.

И где-то глубоко начинают звенеть маленькие колокольчики.

Холод... Чистый, без примесей, и прохладный нож почти шипит, врезаясь в теплую плоть. Антисептическая, чистая прохлада, кровь замедленна и бессильна; абсолютно правилен и тотально необходим: холод...

– Почему же я не... – начал я и заткнулся, увидев лицо Деборы.

– Что? Что «конечно»? – требовала она.

Я покачал головой:

– Сначала скажи, зачем тебе нужно это знать.

Деб посмотрела на меня долгим взглядом и сделала еще один вдох-выдох.

– Полагаю, ты в курсе, – наконец произнесла она. – Случилось еще одно убийство.

– В курсе. Я проезжал мимо вчера вечером.

– А я слышала, что не просто проезжал.

Я поежился. Полиция Майами-Дейд – такая маленькая семья.

– Так что же значит это твое «конечно»?

– Ничего. – Я начал постепенно раздражаться. – Просто

ткани трупа выглядели немного не так. Как будто они подверглись воздействию холода... – Я развел руками. – А насколько холодно?

– Как на мясокомбинате. Зачем это ему понадобилось?

Потому что это прекрасно, подумал я.

– Холод замедляет кровоток, – был мой ответ.

– А это так важно? – Деб изучающе смотрела на меня.

Мой вздох был глубоким и несколько неуверенным. Я не мог ей этого объяснить, она тут же приперла бы меня к стенке.

– Очень важно.

По какой-то причине я почувствовал себя растерянным.

– Почему очень важно?

– Мм... Полагаю, у него пунктик насчет крови, Деб. Это просто ощущение, понимаешь, у меня нет никаких доказательств.

Она посмотрела на меня тем же взглядом. Я пытался придумать что-нибудь, что сказать, но не мог. Остроумный, красноречивый Декстер – и вдруг с пересохшим горлом и проглоченным языком.

– Черт! – наконец произнесла она. – Так в чем же дело? Холод замедляет кровоток, и это очень важно? Давай, Декстер. Что тут, черт возьми, хорошего?!

– Я ничего «хорошего» не делаю до кофе, – предпринял я героическую попытку восстановить равновесие. – Просто аккуратно.

– Черт! – снова воскликнула Дебора и, когда Роза принесла кофе, сделала глоток. – Вчера вечером меня пригласили на семидесятидвухчасовой брифинг.

Я заплодировал:

– Отлично. Ты в обойме. Только зачем тебе нужен я?

В Майами-Дейд принято собирать всю убойную команду примерно через семьдесят два часа после убийства. Следователь и ее команда обсуждают дело с экспертом-медиком, а иногда и с представителем прокуратуры. В результате вырабатывается единое направление.

Она нахмурилась:

– Я не сильна в политике, Декстер. Чувствую, что Лагуэрта оттирает меня, но ничего не могу поделать.

– Она все еще ищет своего мистического свидетеля?

– Ага, – кивнула Дебора. – Особенно после вчерашнего убийства. Мол, оно еще раз доказывает ее правоту. Потому что тело расчленено полностью.

– Но все разрезы совершенно другие, – возразил я.

Дебора пожала плечами:

– Я ей говорила, что искать свидетеля – пустая трата времени, ведь очевидно, что убийце не помешали, просто он почувствовал неудовлетворенность.

– Ого! Ты и правда совсем не разбираешься в политике.

– Ну и черт с ней, Декстер! – Две пожилые дамы за соседним столиком уставились на Деб, но она даже не заметила. – В том, что ты сказал, есть смысл. Это же очевидно, а она ме-

ня игнорирует. И даже хуже.

– Что может быть хуже, чем когда тебя игнорируют? – спросил я.

Она залилась краской.

– После разговора с ней я заметила, что пара козлов в форме хихикают надо мной. Про меня по управлению ходит шутка. Эйнштейн, – произнесла Деб и, закусив губку, отвернулась.

– Боюсь, я не понимаю.

– Если бы ее сиськи были мозгами, она была бы Эйнштейном, – с горечью сказала она, и, чтобы не рассмеяться, я закашлялся. – Вот что она обо мне говорит. А если такой паршивый ярлык уже приклеился, продвижения по службе тебе не видать, кто же будет уважать копа с таким прозвищем? Черт бы ее побрал, Декс! Она ломает мне карьеру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.